

Ольга Ефимова

Голос из крана

18+

Ольга Ефимова

Голос из крана

<https://litres.ru/74164937>

SelfPub; 2026

Аннотация

Екатеринбург, 2026 год. Осенний геомагнитный шторм пробуждает старый немецкий кран 1943 года на заброшенном Уралмаше. Бывший крановщик Павел, а ныне экскурсовод по заводским руинам, касается оголённого провода — и его сознание перебрасывает в 2016-й, в тот самый день, когда он струсил и оставил сестру умирать в обвалившейся шахте.

Теперь у него есть шанс всё исправить. Но время сопротивляется. Каждое вмешательство оставляет трещину в реальности, а старый кран оказывается не просто механизмом, а голосом иного времени — и чужих судеб.

Павел должен пройти сквозь разломы, чтобы спасти сестру и найти путь обратно. Но прошлое не отпускает — и, возможно, цена спасения выше, чем он готов заплатить.

Промышленная готика, путешествия во времени и история о том, что даже стёртые линии можно провести заново — если не бояться голоса из крана.

Содержание

Пролог	4
ЧАСТЬ 1: ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО	8
Глава 1. Ночной смотритель	9
Глава 2. Женщина в красном пальто	20
Глава 3. Катушка Теслы	34
Глава 4. 2016год	47
Глава 5. Первая попытка	59
Глава 6. Синдром бабочки	72
Глава 7. Шахта лифта	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ольга Ефимова

Голос из крана

Пролог

Екатеринбург, октябрь 2026 года.

Город задыхался от электричества.

Его не было видно, но оно струилось по проводам, как лишняя кровь по венам, заставляло тускло мерцать неоновые вывески на проспекте Ленина и сбивало шаг пешеходам, которые вдруг останавливались посреди улицы, забывая, куда шли. Геомагнитный шторм обрушился на Урал накануне вечером — внезапно, без предупреждения, будто кто-то нажал кнопку в самом сердце солнца. В новостях говорили о помехах навигации, о сбоях в старых трансформаторах, но никто не сказал главного: что сталь чувствует это острее, чем живые.

Павел стоял на площадке перед цехом №8 и смотрел на небо. Оно было чистым, но над трубами Уралмаша колыхалось зеленоватое зарево — полярное сияние, которое никогда не должно было доходить до этих широт. Воздух пах озоном и ржавчиной. Где-то в глубине завода коротко взвизгнула сирена — и смолкла.

Он пришёл сюда за час до экскурсии. Обычно он не делал

так: являлся ровно к девяти вечера, впускал группу, включал фонарь и начинал свой монотонный рассказ о том, как здесь ковали броню для танков. Но сегодня его тянуло сюда с самого утра, как будто кто-то дергал за невидимую нить, привязанную к ребрам. Он пытался не думать об этом, пил дешёвый кофе в общежитии, перебирал старые фотографии — и всё равно сдался.

Кран ждал его.

Он возвышался в полумраке цеха — громоздкий, чужой, вросший в бетонный пол будто корнями. На клёпаной балке ещё можно было разглядеть клеймо: *KONE, 1943*. Немцы строили его на совесть, из той стали, которая не ржавела, а лишь темнела от времени. Павел подошёл ближе, провел пальцем по холодной лебедке, и ему показалось, что металл дрогнул под рукой — ровно настолько, чтобы он отдернул ладонь.

— Привет, старый, — тихо сказал он.

Кран молчал. Но за его спиной, где-то в глубине шахты, что-то щёлкнуло. Будто реле включилось само по себе.

Павел оглянулся. Никого. Только пыль танцевала в луче, пробившемся через разбитое окно. Но он знал это место слишком хорошо. Десять лет он водил сюда людей, рассказывал им про историю завода, про литьё и прокат, а сам каждый раз обходил стороной ту плиту — бетонную, с трещиной, ведущей к лифтовой шахте. Ту самую, которая в 2016 году ушла из-под ног его сестры.

Павел закрыл глаза. Перед внутренним взором вспыхнула картинка: Ольга в джинсовой куртке, её смех, эхо шагов по пустому коридору. И потом — треск, пыль, её крик, который оборвался, когда она провалилась. Он помнил каждую секунду того вечера. Помнил, как ноги сами понесли его прочь, как он задыхался от страха, набирая номер скорой с чужой сим-карты. Помнил запах крови и бетонной крошки, который потом не выветривался из носа неделями.

Тогда он был трусом. Он знал это. И она знала.

Но сегодня, стоя перед краном, Павел вдруг ощутил странную уверенность, что всё можно повернуть вспять. Глупость, конечно. Магнитная буря, переутомление, возраст — вот и все объяснения. Однако когда он открыл глаза, ему показалось, что в зеркальной поверхности старой кабины крана отразился не он — седой, усталый мужчина в потёртой робе, — а тот, тридцатидвухлетний, ещё не знающий, что через десять минут потеряет сестру навсегда.

Он моргнул. Отражение исчезло.

— Чёрт, — выдохнул Павел и потёр переносицу.

За спиной слышались голоса — первая группа туристов уже пробиралась через разбитые ворота. Он должен был включить фонарь, надеть свою обычную маску экскурсовода, сыпать датами и фактами. Но в горле застрял комок, а в груди росло холодное, липкое чувство, которое он не мог объяснить. Словно кран смотрел на него. Словно стальные тросы ждали, когда он сделает шаг.

Шторм усиливался. За стенами цеха завыл ветер, и где-то на подстанции коротко бахнул трансформатор — город снова моргнул, погружаясь на секунду во тьму.

И в этой тьме Павел услышал голос.

Тонкий, как радиопомеха, словно шёл по старым проводам, сохранившим память о 1943-м, о 2016-м, обо всех, кто когда-либо стоял здесь. Голос сказал одну фразу, от которой у него похолодели пальцы:

— *Ты успеешь, если перестанешь бояться.*

Павел резко обернулся. Цех был пуст. Только кран медленно, почти незаметно качнул стрелой — без ветра, без причины.

А в небе над Екатеринбургом вспыхнула зелёная молния, и время, застывшее в старых шестерёнках, снова двинулось, стирая грань между вчера и сегодня.

Линия была готова оборваться.

ЧАСТЬ 1: ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО

Глава 1. Ночной смотритель

Ночь пахла озоном и машинным маслом. Этот запах въелся в одежду Павла так глубоко, что даже после стирки в дешёвом порошке он оставался на воротнике куртки, въедливый, как память. Он стоял у разбитых ворот цеха №8 и пересчитывал головы. Семь человек. На одну больше, чем заявлено в группе, но он не стал переспрашивать — в заброшенные территории Уралмаша иногда заходили случайные сталкеры, которые не хотели светиться в списках. Павел давно перестал обращать на это внимание. Деньги есть деньги, а его гонорар за ночную экскурсию покрывал разве что месяц жизни в общежитии и пару бутылок дешёвого виски, когда становилось совсем невмоготу.

— Добрый вечер, — сказал он привычным, чуть хриловатым голосом, который выработался за годы водить группы по разрушенным корпусам. — Меня зовут Павел. Я буду вашим проводником по цеху №8, который в народе называют «Немецким». Почему немецким — вы узнаете через пять минут, если не испугаетесь темноты.

Несколько человек хмыкнули. В группе были молодые парни с зеркалками, девушка в ярко-красном пуховике, которая нервно крутила в руках телефон, и пожилая пара, пришедшая, видимо, из ностальгии — они ещё помнили, как завод работал на полную мощность. Павел включил свой ста-

рый фонарь, который крепился на плечо, и луч света разрезал плотный воздух цеха, выхватив из мрака контуры гигантских станков, поросших ржавчиной, словно мхом.

— Здесь отливали корпуса для танков Т-34, — начал он свой обычный монолог, и голос его звучал ровно, механически, как запись. — После войны цех перепрофилировали под прокат, потом подо что-то ещё. А в сорок третьем, когда завод эвакуировали частично, сюда привезли оборудование, захваченное в Германии. Тот самый кран, который вы увидите, — он стоял на балке с 1943 года. Немцы сделали его добротно, под стать своей хваленой инженерной школе. Он до сих пор может двигаться, если подать ток, но, к счастью для всех нас, напряжение сняли ещё в девяностых.

Он говорил и краем глаза следил за группой. Парни с камерами уже рассредоточились, снимая крупные планы резьбы на болтах и облупившейся краски на стенах. Пожилая пара держалась за руки, притихнув, и Павел понял, что они, возможно, когда-то работали здесь — у них были те самые, узнаваемые лица старых заводских, которые смотрят на руины не как на аттракцион, а как на могилы собственной молодости.

Девушка в красном пуховике шла чуть позади всех, и Павел несколько раз ловил себя на том, что его взгляд возвращается к ней. Что-то было в её походке, в том, как она поворачивала голову, разглядывая пролёты крыши. Но когда он пытался уловить черты лица, свет фонаря скользил ми-

мо, оставляя лишь силуэт. Он отогнал от себя глупую мысль. Сестре уже тридцать два, а этой девушке на вид — двадцать пять, не больше. И Ольга никогда бы не надела красное, она терпеть не могла яркие цвета, даже в юности ходила в чёрных водолазках.

— Павел Сергеевич, — окликнул его один из парней с камерой. — А, правда, что в этом цехе проводили испытания ядерных реакторов?

Павел усмехнулся.

— Правда, только то, что вы видите своими глазами. Остальное — легенды для туристов. Но раз вы спросили... — он остановился у огромной бетонной колонны и постучал по ней ладонью. — Говорят, в подвалах этого цеха хранились чертежи первой советской атомной бомбы. Привезли их из Берлина. Но кто их найдёт теперь, когда полы везде провалены, а шахты лифтов уходят вниз на сто метров?

Он произнёс последнюю фразу, и внутри него ёкнуло. Он сам не понял, зачем добавил про шахты лифтов. Обычно он избегал этой темы, обходил её стороной, как собака обходит капкан. Но сегодня язык двигался сам, будто кто-то тянул за ниточки.

Парень с камерой хотел переспросить, но в этот момент где-то в глубине цеха гулко щёлкнуло, и свет на мгновение моргнул — не фонарь, а общее освещение, которого здесь не должно было быть. Павел замер. Туристы тоже притихли.

— Это просто старая проводка, — сказал он, стараясь,

чтобы голос звучал уверенно. — Магнитная буря сегодня, вы же слышали прогноз. Геомагнитный шторм вызывает сбои в сетях. Ничего страшного.

Он заставил себя двинуться дальше, развернулся и пошёл вглубь цеха, туда, где в серой мгле угадывалась массивная конструкция крана. Шаги гулко отдавались от бетонных стен. Павел чувствовал, как у него слегка дрожат пальцы, и спрятал руки в карманы куртки. В кармане лежала старая зажигалка, которую он носил с собой десять лет, с того самого вечера. Он никогда не курил, но зажигалка была той, что лежала у него в кармане в 2016-м, когда они с Ольгой лезли в цех, нарушая все правила. Он не знал, зачем хранит её. Может, как напоминание. Может, как оберег.

— Итак, — сказал он, остановившись под самой стрелой крана, — перед вами тот самый немецкий кран. Грузоподъёмность — двадцать тонн, сохранился почти идеально. Обратите внимание на клёпку — её делали вручную, каждый заклёпка проходила контроль магнитной дефектоскопией. Это был высший класс.

Группа столпилась вокруг, задирая головы. Парни начали щёлкать затворами, пожилая пара молча смотрела вверх, и Павел заметил, как женщина набожно перекрестилась. Он хотел было спросить, почему, но передумал. Есть вещи, которые лучше не знать.

Девушка в красном пуховике подошла ближе всех, почти вплотную к лебедке. Павел увидел её профиль — острый

нос, светлые волосы, собранные в пучок. Сердце его пропустило удар. Нет, это была не Ольга. Но сходство было жутким — те же скулы, тот же изгиб губ, когда человек сосредоточенно рассматривает детали.

— А вы не боитесь, что он упадёт? — спросила она, не оборачиваясь.

— Кран? — Павел усмехнулся, стараясь справиться с голосом. — Этот кран простоят ещё сто лет. Его строили не на один день.

— Я не про кран, — она повернулась, и в свете фонаря он увидел её глаза — карие, с золотистыми искрами. — Я про то, что вы стоите под ним. Если трос порвётся, вас расплющит.

Павел моргнул. Вопрос был странным, почти агрессивным, но в голосе девушки не было угрозы — только холодное любопытство.

— Я здесь уже десять лет, — ответил он. — За это время ни один трос не оборвался.

— Десять лет, — эхом повторила она, и что-то в её интонации заставило Павла внутренне сжаться. — Долго.

Она отвернулась и отошла к колонне, оставляя его стоять с глупым чувством, будто он только что провалил какой-то невидимый тест. Он хотел окликнуть её, спросить имя, но в этот момент пожилая женщина вдруг громко сказала:

— В сорок третьем здесь работал мой отец. Он рассказывал, что немцы оставили в кране тайник. Будто спрятали

чертежи нового оружия. Потом, конечно, ничего не нашли, но он всегда верил.

Павел повернулся к ней, благодарный за отвлечение.

— Тайников здесь много, — сказал он. — Завод большой. Но я лично ничего не находил, кроме ржавых болтов и старых тряпок.

— А вы смотрели в кабине крана? — спросил парень с камерой. — Там, наверху?

— Смотрел, — соврал Павел. На самом деле он ни разу не поднимался в кабину за все десять лет. Боялся, что там может быть что-то, что напомнит ему о том дне. Он знал, что с высоты открывается вид на всю шахту лифта, на ту самую плиту, и он не хотел смотреть на неё сверху.

Он уже собирался повести группу дальше, к выходу, но ноги не слушались. Геомагнитный шторм, подумал он. Давит на голову, сводит суставы. Он потер затылок, и в этот момент кран издал звук — долгий, металлический, похожий на стон.

Туристы замерли. Парни перестали фотографировать.

— Это ветер, — сказал Павел, хотя ветра в цехе не было — стены были глухие, а разбитые окна выходили во внутренний двор, где сегодня стоял штиль.

Звук повторился, на этот раз с примесью скрежета. Что-то в лебедке провернулось само собой. Павел видел, как трос слегка натянулся, хотя крюк висел пустой. Его пробрала дрожь. Он подошёл к лебедке, достал зажигалку из кармана и механически чиркнул ею — маленький огонёк освеще-

тил коробку передач, покрытую слоем смазки и пыли. Никаких следов движения не было, но шестерни чуть шевелились, будто их кто-то поворачивал изнутри.

— Павел Сергеевич, — сказала девушка в красном, и её голос прозвучал почти в самое ухо, потому что она подошла неслышно, — может, нам лучше уйти?

Она стояла сбоку, и он видел её лицо совсем близко — в морщинках у глаз, в бледных губах, в том, как она кусала нижнюю губу. Теперь он был уверен: сходство с Ольгой было случайным, но пугающим до судорог. Он сглотнул и кивнул.

— Да, экскурсия заканчивается, — сказал он громко, поворачиваясь к группе. — Мы выходим через южный проём, там автобус ждёт. Если хотите, я покажу вам ещё прокатный стан, но это уже за доплату.

Туристы зашевелились, засобирались. Пожилая пара уже направилась к выходу, парни убирали камеры в рюкзаки. Но Павел не мог уйти. Его тянуло к лебедке, как будто там, в коробке передач, было что-то, что он должен увидеть. Он махнул группе рукой, указывая направление, и сам остался на месте.

Девушка в красном задержалась рядом с ним.

— Вы не идёте?

— Я догоню, — ответил он, не глядя на неё. — Проверю, не оставил ли кто вещи.

Она смотрела на него пару секунд, потом пожала плечами и пошла вслед за остальными. Её шаги затихали в коридоре,

и вскоре Павел остался один в огромном цехе, под стальным монстром, который вдруг начал жить своей жизнью.

Он подошёл к лебедке вплотную, положил ладонь на холодный металл. Шестерни снова дрогнули, и на этот раз он услышал внутри механизма слабый гул — словно где-то далеко работал трансформатор. Но ток был отключён, он знал это наверняка, потому что сам два года назад отсоединял кабели на распределительном щитке.

— Что за чёрт, — прошептал он.

Он нагнулся, чтобы заглянуть в щель между шестернями, и увидел провод. Обычный медный провод, оголённый, с обрывками изоляции, тянувшийся откуда-то из-под крана и цепляющийся за корпус лебедки. Его там не должно было быть — он сам лично зачищал этот участок, когда готовил кран к показам. Павел протянул руку, чтобы отодвинуть провод, и в этот момент земля под ним дрогнула.

Цех наполнился гулом, низким, басовым, который, казалось, шёл не из лебедки, а из самой земли, из глубины шахты лифта. Фонарь на плече замигал и погас. Павел остался в полной темноте, и единственным источником света была его зажигалка, которую он всё ещё держал в левой руке. Он чиркнул ею снова, и маленький язычок пламени осветил провод, который теперь дрожал, вибрируя с частотой пульса.

Он не должен был касаться провода. Внутренний голос кричал ему: отойди, беги за группой, закрой цех и забудь. Но тело не слушалось. Рука сама потянулась к оголённой меди,

и когда его пальцы сомкнулись на жиле, он почувствовал, как электричество — не сильное, а какое-то другое, будто живое — вливается в него через кончики пальцев, заполняет каждую клетку, от пяток до макушки.

Он хотел закричать, но голос пропал. Вместо этого перед его глазами взорвалась белая вспышка, и цех №8 исчез. Исчезли стены, исчез кран, исчез запах масла. Он стоял на твёрдом полу, но пол был другим — чистым, без трещин, с недавно выкрашенной жёлтой разметкой. Свет был дневным, серым, уральским — таким, каким бывает осенью в пять часов вечера, когда солнце уже садится за крыши, но ещё не стемнело.

Павел моргнул. Перед ним стояла Ольга. Не тридцатидвухлетняя, а двадцатидвухлетняя, в джинсовой куртке, с короткой стрижкой, которая ей так шла, с улыбкой, которую он не видел целых десять лет. Она смотрела на него с лёгким вызовом и говорила:

— Ну что, братец, рискнёшь? Говорят, там, за той плитой, старый архив. Если найдём чертежи, продадим — и будем жить, как люди.

Павел оцепенел. Он узнал этот день. Этот разговор. Он помнил каждое слово, каждую интонацию. Это было 15 сентября 2016 года, за десять минут до того, как бетонная плита провалится, увлекая Ольгу в шахту лифта.

Он открыл рот, чтобы крикнуть ей: «Остановись! Не ходи туда!» Но горло сжало, и вместо крика вырвался только

хрип. Ольга не услышала его или не обратила внимания — она уже поворачивалась и шла по коридору туда, где сиял проём в старом полу.

Павел попытался шагнуть за ней, но ноги приросли к полу. Он не мог двинуться, он мог только смотреть, как она удаляется, как её джинсовая куртка мелькает в проходе, как слышен её смех — звонкий, беззаботный, который он так хотел вернуть.

— Ольга! — вырвалось у него, наконец, но голос был слабым, словно издалека. — Ольга, вернись! Пожалуйста!

Она не обернулась. Она скрылась за поворотом, и только эхо её шагов осталось в коридоре. Павел знал, что сейчас, через несколько секунд, она ступит на ту плиту, и трещина под её ногами раскроется, как пасть.

Он рванулся вперёд, преодолевая невидимое сопротивление, и в тот же миг мир вокруг снова вспыхнул белым, рассыпался на тысячи осколков. И он снова стоял в цехе №8, прижимаясь спиной к холодной лебедке, сжимая в руке оголённый провод, а по его лицу текли слёзы, горячие и солёные, которых он не чувствовал десять лет.

В груди колотилось сердце, а в голове стучала одна мысль: он видел её. Он был там. Это была не галлюцинация, не сон — это было настоящее возвращение в тот день. И если кран снова заработает, если он снова коснётся этого провода, он сможет попытаться спасти её.

Из темноты, где-то в глубине цеха, раздался голос девушки.

ки в красном пуховике:

— Павел Сергеевич? Вы здесь?

Но он не ответил. Он стоял, трясаясь, и смотрел на свои руки, которые всё ещё держали провод, и понимал: он вернулся не просто в прошлое. Он вернулся в тот момент, когда всё можно было исправить. Или когда всё можно было сломать окончательно.

В наушниках, которые он носил на шее для связи, вдруг раздался треск, и сквозь помехи пробился голос — тонкий, как радиоволна, с немецким акцентом:

— *Du hast es gesehen, nicht wahr? Jetzt musst du entscheiden.*

Ду хаст эс гезэген, нихт вахр? Йетцт мусст ду энтшайдэн.

Ты видел это, не так ли? Теперь ты должен решить.

Павел уронил провод и отшатнулся, но в темноте цеха, на потолке, на стальной балке, зажглась красная лампочка — та, которой не было там никогда. Она моргала в ритме его пульса.

И он понял, что у него ровно один шанс, чтобы вернуться в 2016-й и встретиться с Ольгой до того, как случится обвал.

Но цена этого возвращения была ему неизвестна.

Глава 2. Женщина в красном пальто

Красная лампочка на балке моргала ровно, как маяк, и Павел не мог отвести от неё взгляда. Она была чужой — он знал каждую заклёпку этого цеха, каждый прожектор под крышей, каждую трещину в бетоне, но этой лампочки здесь никогда не было. Она висела на стальном тросе, который, казалось, вырос из стены, будто его вплели в конструкцию много лет назад, а он просто не замечал. Но он не мог не заметить. Он был здесь слишком много раз.

Голос в наушниках стих, оставив только шипение статики, но слова немецкого оператора вьелись в память: «Du hast es gesehen... jetzt musst du entscheiden» Ду хаст эс гезэген, нихт вахр? Йетцт мусст ду энтшайдэн. — ты видел это, теперь ты должен решить. Павел провел ладонью по лицу, размазывая пот и слёзы, которые всё ещё текли по щекам. Он не плакал десять лет — с того самого вечера, когда вызвал скорую и сжёг сим-карту, — а теперь слёзы лились сами, без его воли, будто прорвалась какая-то плотина.

— Павел Сергеевич! — голос девушки в красном пуховике прозвучал ближе, и он услышал её шаги, быстрые, решительные. Она шла прямо к нему через темноту, и он с трудом заставил себя оторваться от лампочки и обернуться. —

Вы здесь? Я уже хотела вызывать спасателей. Вы пропали на пять минут, а когда я вернулась — вы просто стояли, как статуя.

Он моргнул. Пять минут? Ему показалось, что он был в том коридоре, где стояла двадцатидвухлетняя Ольга, не больше пары секунд. Вспышка — и он снова здесь. Но девушка говорила о пяти минутах. Время текло по-разному по ту сторону контакта.

— Всё в порядке, — выдавил он, и голос его прозвучал хрипло, как у заядлого курильщика, хотя он никогда не курил. — Просто... закружилась голова. Магнитная буря, наверное. Я уже говорил.

Девушка подошла к нему, и в тусклом свете её телефона (она включила фонарик) он увидел её лицо — сосредоточенное, настороженное. Светлые волосы выбились из пучка, карие глаза смотрели с прищуром, как у врача, который ставит диагноз. И снова это дурацкое сходство с Ольгой — та же линия скул, тот же изгиб бровей. Павел заставил себя отвести взгляд.

— Вы бледный, — сказала она. — И у вас руки трясутся. Вы уверены, что вам не нужна скорая?

— Нет, — ответил он резко, чем хотел. — Не нужна. Я в порядке.

Она помолчала, потом перевела взгляд на лебедку. Павел заметил, как её глаза скользнули по оголённому проводу, который он всё ещё сжимал в пальцах, и она нахмурилась.

— Вы держитесь за провод, — сказала она тихо. — Это не опасно?

Павел разжал пальцы, и медная жила упала, стукнувшись о металлический корпус. На его ладони остался красный след, будто ожог, хотя провод был холодным.

— Там нет напряжения, — соврал он. — Его отключили.

— Но вы только что говорили про сбой, — не отставала она. — Про магнитную бурю. Если старая проводка замкнула, то могло ударить.

Он взглянул на неё с удивлением. Она мыслила логично, чётко, и в этом тоже было что-то от Ольги — та всегда была практичной, даже в юности, когда они лезли в заброшенные цехи ради острых ощущений. Ольга всегда проверяла пол ногой перед тем, как ступить, всегда искала пути отхода. И всё равно тогда, в 2016-м, она не увидела трещины. Или увидела, но не придавала значения.

— Вы кто? — спросил он вдруг, и в голосе его прозвучала почти враждебная настороженность. — Вы не записывались в группу. Я видел список — там было семь имён, а вы восьмая.

Девушка на мгновение замялась, потом пожала плечами.

— Я журналистка, — сказала она. — Из местной газеты. Хотела написать статью о сталкерских экскурсиях, но не хотела привлекать внимание. Подумала, что если скажу сразу, вы не возьмёте меня в группу. Моя фамилия — Крапивина, Анна.

Она протянула руку, и Павел механически пожал её. Ладонь у неё была тёплая, сухая, и это прикосновение на секунду вырвало его из оцепенения.

— Крапивина, — повторил он. — Вы не похожи на журналистку.

— А на кого я похожа? — усмехнулась она, но усмешка вышла невесёлой.

— Не знаю. На... — он запнулся, не решившись сказать «на мою сестру», и махнул рукой. — На искательницу приключений.

— Приключения закончились, — сказала она, кивая на выход. — Группа уже в автобусе. Я сказала им, что вы проверяете кран, и мы выйдем через пять минут. Эти пять минут уже прошли. Пошли?

Павел перевёл взгляд на лебедку. Провод лежал неподвижно, красная лампочка на балке всё ещё горела, но её свет стал тусклее, и он знал: если он сейчас отвернётся, если уйдёт, она погаснет. И возможно, он больше никогда не увидит ту вспышку, тот коридор, ту Ольгу, которая смеялась и звала его за собой.

Но он не мог остаться. Не сейчас. Группа ждала, журналистка смотрела, и где-то в глубине цеха уже слышался гул — не от крана, откуда-то из недр завода, словно там, под землёй, просыпалась старая турбина. Павел глубоко вздохнул и кивнул.

— Идёмте.

Они вышли через южный проём, и холодный осенний ветер ударил в лицо, отрезвляя. Небо над Екатеринбургом расцвело зелёным и фиолетовым — полярное сияние струилось по небосклону неестественными волнами, и Павел замер, глядя вверх. Он видел северное сияние только в кино. В этом городе, на этой широте, его не должно было быть.

— Красиво, — сказала Анна, вставая рядом. — Но жутковато. Как будто мир сходит с ума.

Павел ничего не ответил. Он смотрел на светящееся небо и чувствовал, как внутри него разрастается холодная уверенность: это не просто геомагнитный шторм. Это что-то большее. И кран был частью этого, его центром, его сердцем.

Автобус ждал у ворот — старый «ПАЗ», который он арендовал у знакомого из гаражного кооператива. Туристы сидели внутри, кто-то дремал, кто-то рассматривал снимки на камере. Пожилая пара вышла покурить, но, увидев Павла, замахали руками — мол, спасибо за экскурсию. Он кивнул, не улыбаясь, и направился к водителю, чтобы расплатиться и отпустить группу.

— Вы как? — спросил водитель, дядька лет шестидесяти с вечным сигаретным запахом. — Вид у вас неважный. Бледный, как мел.

— Доеду сам, — ответил Павел и хлопнул его по плечу. — Отвези их до площади, а там я пешком.

Водитель хмыкнул, но спорить не стал. Когда автобус тронулся, Анна всё ещё стояла рядом с Павлом, не делая попыт-

ки уехать.

— У вас проблемы, — сказала она без вопросительной интонации. — Не только со здоровьем. Вы смотрели на тот кран, как на живое существо. Что вы видели там, Павел Сергеевич?

Павел обернулся к ней. Ночной ветер трепал её волосы, и в свете уличных фонарей она казалась ещё более похожей на Ольгу — молодую, дерзкую, которая никогда не боялась задавать неудобные вопросы.

— Вам не понравится ответ, — сказал он.

— Я не боюсь странных ответов, — парировала она.

Он помолчал. Часы на его старом «Сейко» показывали начало двенадцатого. Шторм усиливался — он чувствовал это по тому, как гудело в ушах, как дрожали фонарные столбы. И он принял решение, которое зрело внутри него с той самой секунды, как он увидел Ольгу в коридоре.

— Приезжайте завтра, — сказал он. — В это же время. Если хотите узнать правду, приезжайте. Я расскажу всё. Но только если придёте одна.

Анна смотрела на него несколько секунд, потом кивнула.

— Хорошо. Но если вы пропадёте или решите не приходить, я найду вас через свою редакцию.

— Не пропаду, — усмехнулся Павел, и в этой усмешке было столько горечи, что она даже не улыбнулась в ответ.

Она развернулась и пошла к остановке, где ещё теплился свет фонаря, и вскоре исчезла за углом. Павел остался один у

ворот завода, глядя на тёмные корпуса, и в его голове билась одна мысль: он должен вернуться на кран. Сейчас, немедленно, пока шторм не ослабел.

Но он заставил себя повернуться и пойти в сторону общежития.

Общежитие было старой пятиэтажкой на окраине, где стены пахли сыростью и дешёвым табаком, а лифт не работал с 2005 года. Павел жил на четвёртом этаже, в комнате номер 47, которую делил с молчаливым слесарем, работавшим вахтовым методом. Сейчас слесаря не было, и Павел остался один в крошечной комнате с продавленным диваном, столом, заваленным старыми картами завода, и единственным окном, выходящим во двор, где постоянно орали пьяные соседи.

Он не включал свет. Сел на диван, нашарил в темноте бутылку дешёвого виски, плеснул в гранёный стакан и выпил залпом. Жидкость обожгла горло, но не принесла облегчения. Он смотрел на руки, которые всё ещё дрожали, и видел на ладони ту красную полосу от провода. Она не исчезла, а стала ярче, как будто металл оставил под кожей след.

«Du hast es gesehen...» Ты видел это?

— Заткнись, — прошептал он в пустоту. — Я не немецкий понимаю.

Но он понимал. В глубине души он знал, что этот голос был реален, что он принадлежал кому-то, кто когда-то давно стоял на этом кране. И смотрел на этот же провод, держал его

в руках и видел что-то, что нельзя было объяснить. Дневник, который он нашёл в кабине крана несколько лет назад, был на немецком, и он никогда не удосужился его перевести. А зря.

Павел встал, подошёл к столу и включил настольную лампу — тусклую, с абажуром в трещинах. В ящике, среди старых квитанций и пустых пачек из-под чая, лежала та самая тетрадь — чёрная, кожаная, с выцветшими чернилами. Он достал её и раскрыл на первой странице. Записи были сделаны готическим шрифтом, который он когда-то пытался разобрать с помощью онлайн-переводчика, но тогда бросил — слишком сложно, слишком много архаичных слов.

Теперь он сел за стол, достал телефон, открыл приложение-распознаватель текста и начал переводить строчка за строчкой. Глаза слипались, голова гудела, но он читал:

«Октябрь 1943. Кран установили вчера. Работает исправно. Но сегодня утром, когда я поднялся в кабину, меня остановил звук — гул, похожий на человеческий голос. Я подумал, что это ветер. Но ветра не было. Тогда я коснулся лебедки, и меня озарила вспышка. Я увидел сына, который погиб под Сталинградом в прошлом году. Он стоял в этом цехе, в форме, он смотрел на меня. Он что-то говорил, но я не расслышал. Я отдернул руку, и видение исчезло. Я думал, что схожу с ума...»

Павел оторвался от телефона. Его руки дрожали ещё сильнее. Он перечитал абзац три раза, вглядываясь в слова, ко-

торые приложение перевело с чудовищными ошибками, но смысл был ясен: немецкий оператор тоже видел прошлое. Тоже касался крана и возвращался к моменту, который хотел изменить.

«Геоманнитное поле, — прошептал он, вспоминая старые статьи о влиянии солнечных бурь на сознание. — Кран стоит на месте, где разлом...»

Он перевернул страницу и продолжил читать. Дневник был исписан почти до конца, и каждая запись становилась всё более безумной:

«Я пытался спасти сына. Трижды я касался лебедки, трижды я видел его, и трижды я пытался крикнуть, чтобы он не шёл на тот мост. В последний раз он услышал меня. Он повернулся. Он улыбнулся. Но на следующее утро я узнал, что он погиб на день раньше, чем я видел его. Время перемешалось. Я больше не касаюсь крана. Я боюсь, что причину зло...»

Павел закрыл тетрадь и откинулся на спинку стула. В груди колотилось сердце. Немецкий оператор пытался изменить прошлое, и его попытки привели к тому, что сын погиб в другом месте и в другое время. Павел понял: кран не переносил его в прошлое. Кран позволял ему видеть прошлое, присутствовать в нём, но если он попытается изменить ход событий, реальность треснет, как та бетонная плита.

— Но я должен, — сказал он вслух, глядя на свою дрожащую ладонь. — Я не могу оставить её там.

В комнате было тихо, только где-то за стеной бубнил телевизор. Павел посмотрел на часы — половина второго ночи. Шторм достиг пика, он чувствовал это по вибрации в стенах, по тому, как гудели старые лампы дневного света на потолке. Он знал, что если он не вернётся на завод сейчас, то упустит момент. Лампочка на балке погаснет, и контакт оборвётся.

Он поднялся, оделся в ту же куртку, повесил на плечо старый рюкзак, в который сунул дневник, фонарь и пару бутылок воды. На выходе из комнаты он задержался у зеркала — измятое, помятое лицо, седые виски, тёмные круги под глазами. Он выглядел на свои сорок два, но чувствовал себя на все пятьдесят. И всё же внутри него горел огонь, которого не было десять лет.

Он вышел на улицу, и ветер ударил в лицо с новой силой. Город спал, но небо жило — зелёное сияние пульсировало, как живой организм. Павел быстро зашагал по пустынным улицам в сторону Уралмаша, и шаги его были твёрдыми, несмотря на усталость. Он знал, что делать.

Цех №8 встретил его тишиной. Красная лампочка всё ещё горела на балке, но её свет стал тусклым, как умирающий уголь. Павел подошёл к лебедке, положил руку на провод, но ничего не произошло. Он сжал его сильнее — та же пустота. Только лёгкий звон в ушах.

— Нет, — прошептал он. — Не сейчас. Пожалуйста.

Он попробовал ещё раз, потом ещё. Никакой вспышки, никакого коридора, никакой Ольги. Кран молчал, как старый

спящий зверь.

Павел опустился на колени, ударил кулаком по бетонному полу и зарычал от бессилия. Он знал, что упустил пик. Магнитная буря ослабевала, и контакт прерывался. Нужно было ждать, пока снова наступит солнечная вспышка, а это могло занять дни, недели.

— Нет! — крикнул он, и голос его эхом разнёсся по пустому цеху. — Я не могу ждать!

Он поднял голову и посмотрел на лампочку. Она мигнула — один раз, два — и Павел заметил, что цвет её из красного стал оранжевым. Она реагировала на его голос? Или на его эмоции?

Он встал, подошёл к кабине крана и начал карабкаться по ржавой лестнице, вцепившись в перила, которые дрожали под его тяжестью. Он никогда не забирался в кабину, но сейчас это было необходимо. Там, наверху, должен быть какой-то пульт, какой-то переключатель, который мог восстановить контакт.

Лестница кончилась, и он оказался на узкой площадке перед дверью кабины. Она была заперта, но ржавый замок поддался после третьего удара ногой. Павел ввалился внутрь и замер.

Кабина была маленькой, грязной, с осыпающейся краской на стенах. На пульте — выцветшие кнопки и рычаги, покрытые паутиной. Но на самом видном месте, прикрученный к стальной панели, висел старый огнетушитель, а под ним —

кусок бумаги, приклеенный скотчем. Павел сорвал бумагу и развернул её. На ней было написано по-русски, но почерк был не его:

«Если ты это читаешь, значит, ты готов. Коснись рычага под пультом. Но помни: каждый раз, когда ты возвращаешься, стирается ещё одна секунда твоей собственной жизни. Ты меняешь прошлое, но платишь будущим. Оператор К.»

Павел повернул голову и увидел рычаг — маленький, почти незаметный, спрятанный за проводкой. Он потянулся к нему, и в тот же миг лампочка зажглась ярко-красным, и кран вздрогнул. Шестерни заскрежетали, лебедка натянулась, и Павел почувствовал, как металл под его пальцами нагревается.

Он не раздумывал. Он дёрнул рычаг на себя.

Вспышка была ослепительной. Он снова стоял в том коридоре, но на этот раз он не был скован — он мог двигаться. Ольга была впереди, в десяти шагах от него, и она направлялась к той самой плите.

— Ольга! — закричал он, и голос его прорвался через гул.
— Стой! Не ходи туда!

Она обернулась. Её лицо было удивлённым, испуганным.

— Павел? Ты чего кричишь? Ты меня напугал!

— Плита треснутая, — сказал он, подходя к ней, хватая за руку, сильнее, чем нужно. — Она провалится. Я знаю. Поверь мне.

Ольга смотрела на него с недоумением, но в глазах её про-

мелькнула искра узнавания — она видела, что он говорит серьёзно.

— Откуда ты знаешь?

— Я уже был здесь, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я уже видел, как ты падаешь. Я не хочу снова это видеть. Уходим отсюда. Прямо сейчас.

Она молчала секунду, потом кивнула, и они развернулись, чтобы идти обратно. Но в этот момент пол под ними дрогнул — не плита, а весь коридор. Где-то в глубине шахты раздался низкий гул, и Павел понял, что время снова меняется, что он не может просто увести её — реальность сопротивляется.

Ольга вскрикнула, когда трещина пробежала по стене, и они побежали. Павел тащил её за собой, не оглядываясь, слыша, как за спиной рушится бетон. Он не знал, куда бежать — коридор уходил влево, вправо, и каждый шаг давался с трудом, как будто он бежал по воде.

Они вылетели в какой-то тупик, где не было путей назад, и Павел обернулся. Плита, та самая, ушла вниз, но они были в безопасности. Ольга тяжело дышала, прижимая руки к груди.

— Что это было, Павел? — прошептала она. — Откуда ты знал?

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент белая вспышка снова вырвала его из этого мира, и он упал на колени в кабине крана, тяжело дыша, держась за рычаг, который горел огнём в его ладони.

Он был в 2026 году. Но его ладонь была обожжена, и в ушах всё ещё звенел голос Ольги: «Откуда ты знал?»

Он спас её. Он изменил тот момент. Он увёл её с плиты.

Но когда он поднял глаза к окну кабины, он увидел, что мир за стенами цеха изменился — сияние в небе стало кроваво-красным, и на улицах не было ни одной машины, ни одного человека.

Часы на его руке показывали 15 сентября 2016 года, 18:05.

Он вернулся не в прошлое как наблюдатель. Он вернулся в прошлое как участник. И теперь он был здесь, в этом времени, навсегда.

Глава 3. Катушка Теслы

Он стоял на коленях в кабине крана, сжимая обожжённую ладонь, и не мог поверить своим глазам. За грязным стеклом кабины простирался цех, но он был другим — не таким, каким он знал его последние десять лет. Стены были целыми, без трещин, без граффити. Станки стояли ровными рядами, некоторые из них ещё были накрыты брезентом, но большинство блестели свежей краской. Свет проникал через высокие окна, и это был не тусклый, больничный свет 2026 года — это был яркий, предзакатный свет осени 2016-го, когда солнце ещё не ушло за горизонт.

Павел провёл рукой по лицу и почувствовал, что щека мокрая. Он не плакал — это был пот, холодный и липкий, выступивший от напряжения. Он посмотрел на свои руки: они были теми же — седыми, морщинистыми, с въевшейся грязью под ногтями. Но часы на запястье показывали 18:05, 15 сентября 2016 года. Он проверил телефон — тот лежал в кармане, но экран был тёмным, словно разрядился, хотя он заряжал его перед выходом. Он нажал кнопку включения — ноль реакции. Телефон умер.

— Чёрт, — прошептал он. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Он попытался встать, но ноги дрожали. Он опёрся о пульт управления, и его пальцы коснулись старого рычага, который он только что дёрнул. Рычаг был холодным, мёртвым, как

будто никогда не двигался. Никакого тепла, никаких искр. Только тишина и запах машинного масла, смешанный с запахом свежей краски.

Павел заставил себя подняться, выбрался из кабины и начал спускаться по ржавой лестнице. Она была такой же, как в 2026-м, но перила не шатались — они держались крепко, как и полвека назад. Когда он ступил на бетонный пол цеха, его шаги отозвались гулким эхом. Цех был пуст, но это была не та запустевшая пустота, к которой он привык, — это была пустота вечернего закрытия, когда рабочие разошлись по домам, и завод затихал до утра.

Он пошёл в ту сторону, где должен был быть коридор, где он только что схватил Ольгу за руку и увёл от плиты. Но коридора не было. Вместо него он увидел стену — кирпичную, свежоштукатуренную, с табличкой «Цех №8, прокатный стан. Вход посторонним воспрещён». Он ударил по стене кулаком — она была настоящей, твёрдой. Коридор исчез, словно его никогда не существовало.

— Нет, — сказал он. — Я же был там. Я её увёл.

Он закрыл глаза, пытаясь воссоздать в памяти тот путь, который они пробежали, но картинка расплывалась, как сон после пробуждения. Он помнил, как схватил Ольгу за руку, как она крикнула, как они бежали, но куда они бежали — он не мог вспомнить. География цеха менялась, перестраивалась, как живой организм, который реагировал на его вмешательство.

Он развернулся и побежал к выходу — к южным воротам, через которые он обычно выводил группы. Ворота были закрыты, но не заперты; он дёрнул ручку, и они со скрипом открылись, впуская его во двор завода. Свежий воздух ударил в лицо, и Павел замер, поражённый тем, что увидел.

Двор был полон машин — старых «Жигулей», грузовиков, автобусов, которые стояли на парковке. Люди шли по тротуарам, кто-то курил у ворот, кто-то говорил по телефону. Небо было чистым, голубым с оранжевыми прожилками заката, и никакого зелёного сияния, никакого шторма. Это был обычный вечер 2016 года.

Павел прошёл несколько шагов и остановился, глядя на вывеску у проходной. Она была старой, но целой: «Уральский завод тяжёлого машиностроения». Год работы — 2016. Всё было реальным, осязаемым. Он чувствовал асфальт под ногами, слышал гул города, ощущал ветер, который касался его лица, и от этого у него закружилась голова. Он перенёсся в прошлое не как дух, не как наблюдатель — он перенёсся физически. Его тело, сорокадвухлетнего мужчины, стояло здесь, в мире, где ему должно было быть тридцать два, и где его сестра была жива и здорова, если он действительно спас её.

Но где она была? Он обыскал взглядом двор, но не увидел её. Тогда он вспомнил: они должны были встретиться у старой котельной, в том самом месте, куда они полезли в тот день. Если он изменил ход событий, она могла уйти сама,

могла пойти домой, а могла искать его, недоумевая, почему он вдруг стал таким странным.

Он побрёл вдоль забора, пытаясь найти ориентиры. Всё выглядело знакомым, но не таким, как он помнил, — деревья были выше или ниже, здания чуть смещены, как будто кто-то сдвинул декорации на несколько миллиметров. Его собственное отражение в стекле проходной было чужим — седой, осунувшийся, с испуганными глазами. Он выглядел как отец того парня, который должен был стоять здесь десять лет назад.

— Павел? — услышал он голос за спиной и резко обернулся.

Там стояла Ольга. Молодая, двадцатидвухлетняя, с короткой стрижкой и испуганным лицом. На ней была та же джинсовая куртка, в руках она сжимала старый рюкзак, и она смотрела на него так, будто видела привидение.

— Ты? — она сделала шаг вперёд, потом остановилась. — Что с тобой? Ты кричал, тащил меня куда-то, а потом просто пропал. Я искала тебя везде.

Павел открыл рот, но слова застряли в горле. Он хотел обнять её, схватить, прижать к себе, но что-то остановило его. Он вдруг понял, что для неё он был просто старшим братом — тем, с кем она росла, с кем спорила и смеялась. А для него она была потерянной сестрой, которую он оплакивал десять лет. Эти две реальности столкнулись в его голове, и он не знал, как совместить их.

— Ольга, — выдавил он. — Ты в порядке? Тебя не задело?

— Задело? — она нахмурилась, и в её голосе послышалось раздражение. — Ты меня напугал до смерти, вот что! Мы же просто хотели посмотреть архив, а ты вдруг начал орать, как сумасшедший, и потащил меня вон. А потом я оглянулась — тебя нет. Я побежала обратно, но ты исчез. Я думала, ты провалился в ту щель, которую ты показывал.

Она подошла ближе, заглянула ему в лицо, и выражение её глаз изменилось — она заметила седину, морщины, тёмные круги.

— Что с тобой, Павел? Ты выглядишь... старым. Как будто тебя не было десять лет.

Он сглотнул. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. Он знал, что должен сказать ей правду, но как объяснить, что он пришёл из будущего, что он спас её от падения в шахту, что он видел её сломанный позвоночник, её ненависть, её холодные глаза, когда она вычеркнула его из своей жизни? Как сказать всё это, не напугав её ещё сильнее?

— Я не знаю, как объяснить, — сказал он наконец. — Но нам нужно уйти отсюда. Там, — он махнул рукой в сторону цеха, — там опасно. Плита провалится. Я знаю.

Она смотрела на него с недоверием, но что-то в его голосе, в его глазах заставило её замолчать. Она кивнула, и они вместе пошли к выходу с территории завода. По пути Павел оглядывался на цех №8, и ему казалось, что он слышит гул крана, хотя тот стоял неподвижно.

Они вышли на улицу, и вечерний Екатеринбург встретил их шумом трамваев и светом витрин. Павел смотрел на город, которого не видел десять лет, и чувствовал, как реальность ускользает из-под ног. Всё было на месте — те же здания, те же вывески, но в его памяти 2026 года они выглядели иначе. Он спотыкался о невидимые ступеньки, пытаясь совместить две картинки в голове.

— Ты какой-то странный, — сказала Ольга, когда они сели на скамейку в парке неподалёку. — Ты не был таким утром. Ты был весёлым, говорил про клад, про архивы. А сейчас ты выглядишь, будто похоронил кого-то.

Павел посмотрел на неё. Она сидела рядом, положив рюкзак на колени, и в её глазах было любопытство, смешанное с тревогой. Она была живой. Он мог дотронуться до неё, и она не исчезала. Это было чудом и проклятием одновременно.

— Слушай, — сказал он, решившись, — то, что я скажу, прозвучит безумно. Но я прошу тебя просто выслушать, не перебивая. Хорошо?

Она нахмурилась, но кивнула.

— Я не тот Павел, который был с тобой сегодня утром, — начал он, и каждое слово давалось с трудом. — Я Павел из 2026 года. Мне сорок два. Я жил в этом городе всё это время, но мы с тобой не виделись десять лет. Потому что сегодня, через несколько минут после того, как ты пошла к той плите, она обрушилась. Ты упала в шахту лифта, сломала позвоночник. Ты выжила, но... я не смог тебе помочь. Я

испугался и убежал. Я вызвал скорую анонимно, но ты узнала. Ты перестала считать меня братом.

Он замолчал, ожидая, что она рассмеётся, назовёт его сумасшедшим, но Ольга молчала. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, и в них не было насмешки — только ужас и неверие.

— Ты шутишь, — сказала она, наконец. — Это какой-то глупый розыгрыш.

— Нет, — покачал он головой. — Я не шучу. Я перенёсся сюда через кран. Старый немецкий кран. Он каким-то образом связан с магнитным полем, с солнечными бурями. Я коснулся провода, и меня перекинуло в прошлое. Я уже видел этот день, но как призрак. А теперь я здесь, физически. Я спас тебя, я увёл тебя с плиты, и поэтому ты жива. Но я не знаю, как вернуться обратно.

Ольга встала со скамейки и отошла на пару шагов, держась за голову.

— Это невозможно, — сказала она. — Ты просто переутомился, у тебя стресс. Ты же работаешь крановщиком, у тебя смена, ты устал...

— Я больше не крановщик, — перебил он. — Я экскурсовод по заброшенным цехам. Я живу в общежитии. У меня нет жены, нет детей. Только ты, но ты не разговариваешь со мной. Ты ненавидишь меня.

Он подошёл к ней, осторожно взял её за плечи и заглянул в глаза.

— Ольга, я знаю, что это трудно принять. Но ты должна мне поверить. Там, в цехе, я спас тебя от того, что случилось бы с тобой в любом другом варианте. Но теперь я не знаю, что делать дальше. Я не могу остаться здесь — у меня есть жизнь в 2026 году, пусть и паршивая, но она есть. А если я останусь, что будет с тем Павлом, которому здесь тридцать два? Где он?

Она смотрела на него с расширенными зрачками. Он видел, как в её голове крутятся шестерёнки, пытаюсь переварить информацию, и в какой-то момент она сломалась. Она оттолкнула его руки и выкрикнула:

— Ты врешь! Ты мой брат, ты просто хочешь меня разыграть, как в детстве! Но это не смешно! Это жестоко!

Она развернулась и побежала прочь, в сторону трамвайной остановки. Павел хотел броситься за ней, но ноги не слушались. Он остался стоять на скамейке, глядя, как её фигура удаляется, пока не скрылась за поворотом.

И в этот момент он почувствовал, как что-то изменилось в нём самом. Он потерял затылок и вдруг осознал, что не помнит, где находится его общежитие в 2026 году. Он помнил адрес — улица Малышева, дом 47, но забыл, какой этаж, какая комната. Он попытался вспомнить лицо соседа-слесаря, но оно расплывалось, стиралось, как запись с магнитной ленты. Он начал терять воспоминания о будущем.

— Чёрт, — прошептал он, и в голове всплыла строчка из дневника немца: «Каждый раз, когда ты возвращаешься, сти-

рается ещё одна секунда твоей собственной жизни».

Он понял: плата за спасение Ольги — его собственное будущее. Чем дольше он оставался в 2016-м, тем меньше он помнил о том, что было потом. Через день или два он может забыть, что он из 2026 года, и тогда он навсегда останется здесь, но без памяти о том, кем он был.

Он должен был найти способ вернуться. И единственный ключ — это кран. Он развернулся и быстрым шагом направился обратно к заводу, но когда он подошёл к проходной, охранник, которого он не видел раньше, преградил ему путь.

— Ваш пропуск, — сказал охранник, молодой парень с каменным лицом.

— Я работаю здесь, — сказал Павел. — Я оператор крана. Охранник усмехнулся.

— У нас все операторы на учёте. Вы не в списке. Идите отсюда, пока я не вызвал полицию.

Павел попытался объяснить, но охранник уже тянулся к рации. Он отступил, понимая, что не может сейчас привлечь внимание. Он обошёл забор, пробрался через дыру в сетке, о которой знал с юности, и через полчаса оказался снова в цехе №8.

Кран стоял на месте, но теперь он выглядел иначе — более новым, более чистым. Павел забрался в кабину и снова потянулся к рычагу, но тот не двигался. Он коснулся провода, который привёл его сюда, — и ничего. Ни вспышки, ни гула.

— Давай, — прошептал он, сжимая металл. — Работай.

Я должен вернуться.

Тишина. Только скрип крана от ветра, проникающего через щели.

Павел опустил голову на пульт и закрыл глаза. Он не знал, сколько времени прошло, когда он услышал шаги внизу. Он выглянул из кабины и увидел себя — молодого, тридцатидвухлетнего, в такой же куртке, с испуганным лицом. Молодой Павел смотрел вверх, и на его лице было замешательство.

— Кто ты? — спросил молодой Павел. — Я видел тебя в цехе. Ты тащил Ольгу. Ты на меня похож, но старше. Что происходит?

Старший Павел замер. Перед ним стоял он сам из 2016 года — тот, кто через несколько минут должен был бросить Ольгу и убежать. Тот, кто разрушил их отношения.

— Я — ты, — сказал старший Павел, и голос его дрогнул. — Я пришёл из будущего, чтобы спасти её. Но я не знаю, как вернуться.

Молодой Павел побледнел. Он хотел что-то сказать, но в этот момент кран вздрогнул, и по металлу пробежала искра. Красная лампочка на балке зажглась снова, и старший Павел услышал в наушниках голос, тот самый, с немецким акцентом:

— *Du hast sie gerettet, aber du hast den Kreislauf gebrochen. Jetzt muss der andere gehen, sonst wird die Zeit zerreißen.* — Ду хаст зи гэрэтэт, абэ ду хаст дэн Крайзлауф гэброхэн. Йетцт

мусс дэр анде геен, зонст вирт ди Цайт церрайсэн.

Ты спас её, но ты нарушил цикл. Теперь должен уйти другой, иначе время разорвёт.

Старший Павел перевёл взгляд на молодого себя и понял, что это значит: он не может вернуться в 2026, если только его молодое «я» не совершит тот же путь — не коснётся провода, не перенесётся в будущее. Они должны обменяться местами. Иначе реальность рухнет.

Он посмотрел на свои руки — они начали бледнеть, становиться полупрозрачными. Его время в этом мире истекало.

— Слушай меня, — сказал он молодому Павлу, спускаясь по лестнице. — Ты должен сделать то же, что сделал я. Коснуться того провода. Перенестись в 2026 год. Там будет Ольга, она будет старше, она будет ненавидеть тебя. Ты должен всё исправить. А я останусь здесь.

Молодой Павел смотрел на него с ужасом.

— Но я не хочу в будущее! Я хочу быть здесь, с ней!

— У тебя нет выбора, — сказал старший, и его голос почти исчез, растворился в воздухе. — Иначе мы оба исчезнем.

Красная лампочка мигнула, и старший Павел почувствовал, как его тело становится лёгким, как призрак. Он успел крикнуть: «Делай это сейчас!» — и в тот же миг его сознание погасло.

Молодой Павел, сжав кулаки, шагнул к проводу, коснулся его дрожащей рукой, и мир вокруг взорвался белым светом.

Когда он открыл глаза, он стоял в тёмном цехе, пахнущем ржавчиной. Где-то вдалеке гудел город, и над головой висело зелёное северное сияние.

Он перевёл дыхание и понял, что он — Павел, тридцати двух лет, — только что перенёсся в 2026 год. А его старшее «я» осталось в прошлом, чтобы занять его место.

Теперь он был здесь. И где-то в этом городе жила его сестра, которая, возможно, помнила его как предателя.

Он вышел из цеха, шатаясь, и остановился у ворот. Перед ним стоял мир, который он не узнавал — высокие здания, неон, машины, которых не было десять лет назад.

И навстречу ему, с той же скамейки в парке, шла девушка в красном пуховике — Анна, журналистка.

Она посмотрела на него и спросила:

— Павел Сергеевич? Вы что-то изменились. Вы моложе. Что случилось?

Он открыл рот, чтобы ответить, но в этот момент в его кармане зазвонил телефон — тот самый, который был мёртвым у его старшей версии. На экране высветилось имя: «Ольга».

Павел поднял трубку, и голос сестры, холодный, как лёд, сказал:

— Павел, это ты? Я получила твоё сообщение. Ты говорил, что хочешь встретиться. Но я не хочу тебя видеть. И никогда не хотела.

Он смотрел на Анну, на телефон, на зелёное небо, и по-

нимал, что он теперь здесь, в 2026, но он ничего не знает о том, что случилось за эти десять лет. Его память о будущем была пуста, и единственное, что у него осталось, — это знание того, что он должен что-то исправить.

Но что именно — он не помнил.

И в этот момент кран за его спиной снова издал тот стонущий звук, и красная лампочка на его стреле зажглась, как маяк.

Глава 4. 2016год

Молодой Павел смотрел на телефон, и голос сестры всё ещё звенел в ушах, хотя она уже давно сбросила вызов. Слова «я не хочу тебя видеть» врезались в память острее, чем любая физическая боль. Он стоял у ворот цеха, сжимая в руке мёртвый телефон, и пытался понять, что только что произошло. Анна, журналистка в красном пуховике, смотрела на него с нарастающим беспокойством. Её глаза перебежали по его лицу, и она явно замечала перемены — он был моложе, чем несколько часов назад, когда они разговаривали у выхода из цеха. Тогда она видела седого, уставшего мужчину, а теперь перед ней стоял крепкий тридцатидвухлетний парень с живым, испуганным взглядом.

— Павел Сергеевич, — повторила она, делая шаг вперёд. — Вы меня слышите? Что случилось? Вы выглядите так, будто только что вышли из машины времени.

Он поднял на неё глаза. В её голосе не было насмешки — только озабоченность и любопытство, смешанное с профессиональной жилкой журналиста, которая чуяла сенсацию. Павел сглотнул. Язык едва ворочался, но он заставил себя сказать:

— Вы не поверите. Но я не тот Павел, который был здесь час назад. Я тот, из 2016. Я... я перенёсся вперёд. Через кран. Через провод.

Анна приподняла бровь, но не рассмеялась. Она помолчала, потом кивнула, как будто приняла что-то невероятное, но укладывающееся в её собственную картину мира. Она вытащила из кармана телефон и быстро что-то набрала, затем убрала его обратно.

— Пойдёмте, — сказала она. — Нам нужно поговорить в тепле. Здесь холодно, и у вас, кажется, шок. Я знаю место неподалёку.

Она повернулась и пошла вдоль забора, жестом приглашая его следовать за ней. Павел, всё ещё не вполне осознавая происходящее, двинулся за ней, механически переставляя ноги. Мысли в его голове метались, как испуганные птицы в закрытой клетке. Он помнил, как стоял в цехе в 2016-м, как смотрел на старшего себя, как тот исчезал на глазах, становясь прозрачным. Он помнил крик: «Ты должен всё исправить!» — и потом вспышку, и вот он здесь, в мире, где всё было чужим.

Они зашли в маленькое кафе на первом этаже старого дома — «Уют», как гласила вывеска. Внутри пахло кофе и выпечкой, играла тихая музыка. Анна усадила его за столик у окна, заказала два чая и села напротив. Она сняла пуховик, и под ним оказался тёмный свитер, на котором болтался бейджик с надписью «Свободный корреспондент».

— Давайте по порядку, — сказала она, сложив руки на столе. — Я знаю, что вы не сумасшедший. Я видела, как вы смотрели на кран, как он реагировал на вас. Я журналист, и

я успела покопаться в историях этого завода. В архивах есть записи о странных случаях — люди говорили, что кран «показывал» им прошлое. А потом их находили мёртвыми или сошедшими с ума. Я не хотела вам говорить об этом, потому что думала, что вы очередной сталкер, который ищет острых ощущений. Но теперь... теперь я вижу, что вы — часть этого.

Павел смотрел на неё, пытаясь осмыслить услышанное. Он не знал, можно ли доверять этой женщине, но у него не было выбора. Он был один в чужом времени, и она казалась единственной ниточкой, ведущей к пониманию.

— Мне нужна моя сестра, — сказал он. — Ольга. Где она? Что с ней?

Анна вздохнула, достала свой телефон и открыла фотографию. На экране была Ольга — повзрослевшая, с длинными волосами, в белом халате, стоящая у входа в поликлинику. Она была серьёзной, глаза её смотрели с холодной уверенностью.

— Она работает терапевтом в городской поликлинике на Ленина, — сказала Анна. — Живёт одна, в квартире, которую получила после... после той истории. Она не замужем, детей нет. О вас она говорит редко, но если говорит — то с такой болью, что даже я, чужой человек, чувствую её ненависть. Она считает, что вы бросили её в тот день, когда она упала в шахту. Вызвали скорую анонимно, а сами сбежали.

Павел закрыл глаза. Память услужливо подсунула ему картинку: трещина в бетоне, крик Ольги, его собственные

ноги, которые бегут прочь. Он помнил этот день как свои пять пальцев. Он тогда испугался, думал, что его посадят за проникновение на режимный объект, и оставил сестру умирать. Но старший Павел, который пришёл из будущего, изменил это — он увёл Ольгу с плиты. Тогда почему она всё ещё ненавидит его? Почему не помнит, что он спас её?

— Я не понимаю, — прошептал он. — Я же спас её. Старший я, тот, который был здесь, — он увёл её. Я видел это. Мы бежали вместе.

Анна нахмурилась, вглядываясь в его лицо.

— Вы говорите «старший я»? Как это?

Павел открыл глаза и посмотрел на неё. Он вдруг понял, что должен рассказать всё, иначе она не поможет. И он начал: про кран, про провод, про дневник немца, про то, как он, тридцатидвухлетний, встретил в цехе себя же, но сорокадвухлетнего, про обмен местами. Он говорил быстро, иногда путаясь в деталях, но Анна слушала, не перебивая. Когда он закончил, она откинулась на спинку стула и сжала руками чашку с остывшим чаем.

— Это безумие, — сказала она. — Но если это правда, то ваш старший двойник изменил прошлое, и теперь вы здесь. А Ольга... она помнит только то, что произошло в её собственной временной линии. Возможно, её воспоминания не переписались. Возможно, она помнит, как вы сбежали, потому что старший Павел не смог стереть эту травму — он только избежал самого падения, но не ваш побег. Или... —

она помедлила, — или он не успел до конца изменить реальность. Он обменялся с вами, и теперь здесь вы, а он там, в 2016-м, и его изменения могут быть неполными.

Павел сжал кулаки. В груди разрасталась паника.

— Тогда мне нужно увидеть её, — сказал он. — Объяснить. Показать, что я — не тот, кто убежал. Что я пришёл из другого времени, чтобы всё исправить.

Анна покачала головой.

— Она не поверит. Вы выглядите на тридцать два, а она знает, что вам сейчас должно быть сорок два. Она решит, что вы либо сошли с ума, либо притворяетесь. Или, хуже того, что вы её преследуете.

— Тогда что мне делать? — голос Павла сорвался. Он вдруг осознал, что его пальцы дрожат, как у старика, и внутри него нарастает чувство, что он теряет контроль над реальностью.

Анна помолчала, потом решительно поднялась.

— Я помогу вам. Но вы должны мне кое-что пообещать. Вы не будете лезть к ней без подготовки. Я свяжусь с ней как журналист, скажу, что пишу статью о врачах, и попрошу интервью. Вы сможете прийти со мной, как мой помощник. Она вас не узнает — вы моложе, вы изменились. У нас будет шанс поговорить.

Павел кивнул, чувствуя, как внутри него загорается слабая искра надежды. Они обменялись номерами, и Анна сказала, что встретится с ним завтра у поликлиники.

Он вышел из кафе и оказался на улице, которая была ему одновременно знакомой и чужой. Он знал эти дома, но они выглядели иначе — свежая краска, новые вывески, магазины, которых он не помнил. Он достал телефон — тот, который был мёртвым у старшего Павла, но теперь, когда он, молодой, держал его, он включился. На экране была заставка с фотографией, которую он не узнавал: какое-то здание в снегу, подпись «Уралмаш, зима 2025». Он полистал контакты — там было несколько имён, ни одного родного. Среди них он нашёл «Ольга» и дрожащим пальцем нажал вызов. Но гудки оборвались на первом же секунде — номер был заблокирован.

Он убрал телефон и пошёл по улице, не зная, куда идти. Он не помнил адреса общежития — старший Павел не успел передать ему эту информацию, а может, память о будущем стёрлась вместе с ним. Он вспомнил строчку из дневника: «Каждый раз, когда ты возвращаешься, стирается ещё одна секунда твоей собственной жизни». Он не знал, сколько времени он проведёт здесь, и сколько воспоминаний потеряет, если снова попытается изменить прошлое.

Он оказался у старой котельной, где они с Ольгой собирались искать архив, и застыл на месте. Здесь всё было по-прежнему — облупленные стены, ржавые трубы, запах угля и сырости. Он вошёл внутрь через пролом в стене и пошёл по коридорам, которые помнил, как свои пять пальцев. Где-то здесь, за поворотом, была та самая плита, которую стар-

ший Павел увёл Ольгу. Он пошёл туда и увидел, что плита всё ещё была на месте, целая, но вокруг неё были натянуты красные ленты с надписью «Опасно». Кто-то знал о трещине.

Он опустился на корточки и провёл рукой по бетону. Он был холодным, влажным. Павел закрыл глаза и попытался сосредоточиться, вспомнить, что говорил старший Павел. Тот сказал: «Ты должен всё исправить». Но как? Если он вернётся в 2016-й, он столкнётся со старшим собой, и время снова может сломаться. Если он останется здесь, он навсегда останется чужаком в собственном будущем.

Он поднялся и пошёл к выходу, когда услышал шаги. Он обернулся и увидел женщину — она стояла в проёме, держась за стену, и смотрела на него с ужасом. Это была Ольга. Взрослая, с длинными волосами, в тёмном пальто, с трясущимися руками. Она была здесь, в этом старом здании, и она смотрела на него, как на призрака.

— Ты, — прошептала она. — Ты не можешь быть здесь. Ты не можешь быть молодым. Ты старый, седой, у тебя морщины... Я видела тебя два дня назад, ты был другим.

Павел встал, не делая резких движений.

— Ольга, — сказал он тихо. — Это я. Павел. Но не тот, которого ты знала. Я пришёл из прошлого. Того самого дня, когда мы полезли сюда. Старший я, тот, который был здесь, — он спас тебя, он увёл тебя с той плиты. Но потом он ушёл, и я оказался здесь. Я не знаю, как объяснить, но я не предатель. Я никогда не хотел бросать тебя.

Она сделала шаг назад, её лицо побледнело.

— Ты лжёшь. Ты всегда лгал. Ты убежал, когда мне было больно. Ты оставил меня умирать, а сам вызвал скорую анонимно, чтобы тебя не нашли. Я носила корсет два года, я училась ходить заново, а ты даже не пришёл в больницу. Ты исчез на десять лет, а теперь появляешься и говоришь, что спас меня?

— Я не говорил, что спас! — выкрикнул он, и его голос эхом разнёсся по коридору. — Это сделал другой я! Тот, старший, который пришёл из 2026, чтобы изменить прошлое. Я не знаю, почему ты не помнишь этого. Возможно, реальность не перестроилась до конца. Возможно, ты помнишь только тот вариант, где я тебя бросил. Но клянусь тебе, я бы никогда не оставил тебя, если бы мог вернуться.

Ольга замотала головой, в её глазах блестели слёзы.

— Я не верю тебе. Ты просто сошёл с ума. Ты пришёл сюда, чтобы мучить меня, как все эти годы. Убирайся!

Она развернулась и побежала, но на полпути споткнулась о металлический обломок и упала на колени. Павел рванул к ней, чтобы помочь, но она оттолкнула его руку.

— Не трогай меня! — закричала она. — Слышишь? Не прикасайся!

Он замер, поднял руки в примирительном жесте. Она встала, опираясь на стену, и посмотрела на него с ненавистью.

— Если ты ещё раз приблизишься ко мне, я вызову поли-

цию. Я не знаю, кто ты и что ты сделал с моим братом, но ты не он. Он был старым, седым, и он нёс эту вину в себе. А ты... ты выглядишь как он в молодости, но твои глаза — они пустые. Ты не помнишь того, что сделал. Или притворяешься.

Она развернулась и ушла, громко хлопнув дверью. Павел остался стоять в пустом коридоре, прижимая руки к груди, где колотилось сердце. Он не знал, что делать. Каждое его слово делало только хуже.

Он вернулся на завод только к полуночи. Небо над Екатеринбургом снова начало светиться зелёным, и он понял, что геомагнитный шторм снова усиливается. Цех №8 встретил его тишиной, но кран уже не был мёртвым. Красная лампочка на стреле горела ярко, пульсируя, как живой пульс.

Павел поднялся в кабину, достал из рюкзака дневник немца и сел на продавленное сиденье. Он перечитал записи, которые старший Павел уже перевёл, и нашёл одну, которую тот, видимо, не успел прочесть до конца. Она была помечена датой — 20 ноября 1943 года.

«Я больше не пытаюсь спасти его. Я понял, что время нельзя изменить — можно только перемещаться по его линиям, стирая себя. Каждый раз, когда я касался крана, я терял часть себя. Я забывал имя своей матери, забывал свой дом, забывал, зачем я здесь. Теперь я останусь в прошлом, где мой сын жив, и пусть он никогда не узнает меня. Я отдам ему своё место, как выкуп за его жизнь. И я уйду. Но я прошу того, кто прочтёт эти строки: не делайте то-

го же. Найдите другой путь. Или примите свой мир таким, какой он есть».

Павел отложил дневник. Он понял, что старший Павел, его будущее «я», пошёл по тому же пути — он отдал своё место в настоящем, чтобы спасти Ольгу в прошлом. И теперь он, молодой, был здесь, в настоящем, но без памяти о будущем. Если он попытается вернуться, он потеряет ещё больше. А если останется — он никогда не сможет заслужить прощение сестры, потому что она не примет его.

Он сидел в кабине, когда кран снова дрогнул. Красная лампочка замигала быстрее, и по корпусу пробежал электрический разряд. Павел почувствовал, как волосы на руках встают дыбом. Он посмотрел на провод, на рычаг, и внутри него что-то сломалось. Он потянулся к проводу, готовый коснуться его, чтобы вернуться, чтобы исправить всё, даже если это стоило ему памяти.

— Не делай этого!

Голос Анны раздался снизу. Она стояла у основания крана, задыхаясь от бега, и смотрела на него снизу вверх.

— Я видела, как ты ушёл, и я догадалась, куда ты направился. Павел, послушай меня! Ты не можешь вернуться! Твой старший двойник отдал свою жизнь, чтобы ты был здесь. Если ты исчезнешь, то, что он сделал, будет напрасным. Ольга останется с той же болью, а ты исчезнешь из её жизни навсегда. Остайся. Дай ей время. Она увидит, что ты изменился, даже если не помнит прошлого.

Павел замер. Рука его дрожала над проводом. Он смотрел на Анну, и в её глазах была мольба, искренняя и отчаянная.

— Но что мне делать, если она меня ненавидит? — крикнул он.

— Живи, — ответила она. — Просто живи. Будь рядом. Не навязывайся, но не исчезай. Рано или поздно она увидит, что ты не тот, кого она знала. И тогда... тогда у тебя будет шанс.

Красная лампочка погасла. Кран затих. Павел опустил руку и медленно спустился вниз. Когда он ступил на бетонный пол, Анна подошла к нему и положила руку на плечо.

— Пойдём, — сказала она. — Я знаю, где ты можешь остановиться на ночь. Завтра будет новый день.

Он кивнул, и они вместе вышли из цеха, оставляя за спиной старый кран, который снова спал, готовый проснуться в следующий раз, когда магнитное поле сойдёт с ума.

Но Павел знал, что он не успокоится, пока не найдёт способ вернуть сестру. И когда он обернулся на пороге, ему показалось, что в тени крана мелькнула фигура старшего Павла — седого, уставшего, но улыбающегося. Фигура махнула рукой и исчезла.

Павел сглотнул и повернулся к Анне.

— Завтра я пойду к ней. С тобой.

Анна кивнула.

— Хорошо. Но помни: не дави на неё. Она должна принять тебя сама.

Они ушли в ночь, оставляя завод и его тайны за спиной, и только красная лампочка на кране ещё раз мигнула, словно прощаясь.

Глава 5. Первая попытка

Он не спал всю ночь. Комната, которую Анна сняла для него в дешёвом хостеле на окраине, была тесной и холодной, с окном, выходящим в шумный двор, где до рассвета орали пьяные компании. Павел лежал на скрипучей кровати, уставившись в потолок с трещинами, и прокручивал в голове сцены вчерашнего дня: встреча с Ольгой в котельной, её крик, её слёзы, её ненависть, которая била по нему острее любого удара. Он знал, что заслужил это — его молодая версия действительно сбежала тогда, в 2016-м, оставила её умирать. Но старший Павел, тот седой, уставший мужчина, который пришёл из будущего, изменил этот момент. Он увёл Ольгу с гибельной плиты. Почему же она не помнила этого? Почему в её памяти остался только предательский побег?

Анна пыталась объяснить это парадоксами времени: возможно, реальность не перестроилась полностью; возможно, старший Павел не успел завершить своё вмешательство, потому что обменялся с молодым двойником; возможно, Ольга видела спасение, но её сознание отторгло его как защитный механизм, оставив только старую травму. Павел не знал, что из этого было правдой, но он чувствовал — где-то глубоко внутри Ольги теплится искра, слабая и почти погасшая, которая способна разгореться, если он не допустит ошибки.

Утром Анна пришла за ним в половине девятого. Она бы-

ла в том же красном пуховике, но под ним уже не было свитера — она надела строгую блузку и чёрные брюки, приготовившись к роли серьёзной журналистки. В руках она держала блокнот и диктофон.

— Ты готов? — спросила она, закрывая за собой дверь.

Павел сидел на краю кровати, сжимая в пальцах старую зажигалку — ту самую, которая была у него в 2016-м, когда они лезли в цех. Он не помнил, как она оказалась в кармане его куртки, но теперь он сжимал её, как талисман, словно это было единственное звено между его прошлым и настоящим.

— Нет, — честно ответил он. — Но я должен идти.

Анна кивнула, и они вышли на улицу. Утро было серым, низкие тучи нависли над городом, и воздух пах сыростью и выхлопными газами. Павел шёл рядом с Анной, и город казался ему призрачным, ненастоящим — слишком чистым, слишком шумным, слишком чужим. Он не помнил этих улиц, не помнил, как здесь оказался, и каждый шаг давался с трудом, как будто он шёл по льду, который мог треснуть в любой момент.

— Я не знаю, что говорить, — признался он, когда они подошли к зданию поликлиники на проспекте Ленина. Это было высокое серое здание с вывеской «Городская поликлиника №3», и у входа уже толпились люди с талонами и анализами в руках.

— Ты будешь молчать, — сказала Анна, поправляя диктофон. — Ты — мой ассистент, технический специалист, ко-

торый помогает с записью и фото. Ты не будешь смотреть на неё слишком пристально, не будешь перебивать, не будешь лезть с объяснениями. Дай мне сделать свою работу, а потом, если представится возможность, я оставлю вас на пару минут. Но только если она сама проявит интерес.

Павел кивнул, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Они вошли в поликлинику, поднялись на второй этаж и остановились у кабинета №207. На двери была табличка: «Ольга Викторовна Морозова, терапевт. Приём по записи». Анна постучала, и изнутри раздался спокойный, профессиональный голос:

— Войдите.

Они вошли. Кабинет был небольшим, но светлым, с аккуратным столом, компьютером, стетоскопом на подставке. На стенах висели плакаты с анатомией и схемами здорового питания. За столом сидела Ольга. Она была в белом халате, поверх которого был наброшен шарф — видимо, в кабинете было прохладно. Волосы она собрала в строгий пучок, очки в тонкой оправе сидели на переносице. Она выглядела старше, чем вчера в котельной, — уставшей, сосредоточенной, но при этом спокойной, как человек, привыкший к каждодневной рутине.

— Анна Крапивина? — спросила Ольга, вставая из-за стола. — Журналистка? Проходите, присаживайтесь. Я сегодня как раз между приёмами, есть время для интервью.

Анна улыбнулась, пожала ей руку и села на стул перед сто-

лом. Павел остался стоять у двери, стараясь держаться незаметно. Он смотрел на Ольгу, и внутри него всё переворачивалось — это была его сестра, но в то же время чужая женщина, с холодным взглядом и профессиональной улыбкой, которая не имела ничего общего с той двадцатидвухлетней девчонкой, которая смеялась над его шутками в коридорах заброшенного завода.

— Это мой ассистент, — сказала Анна, кивая на Павла. — Он будет вести технические записи. Павел Сергеевич, представьтесь, пожалуйста.

Павел шагнул вперёд и, стараясь, чтобы голос не дрожал, сказал:

— Павел Сергеевич. Приятно познакомиться.

Ольга подняла на него глаза, и на мгновение её лицо застыло. Она смотрела на него с внезапной настороженностью, прищурившись, как врач, который ставит диагноз. Павел выдержал её взгляд, и в этот момент он понял, что она не узнала его. Но что-то в его лице, в его голосе показалось ей знакомым. Она перевела взгляд на Анну, потом снова на Павла, и нахмурилась.

— Мы встречались раньше? — спросила она, и в её голосе послышалась лёгкая нотка тревоги. — У вас очень знакомое лицо.

Павел сглотнул. Анна быстро вмешалась:

— Вряд ли. Павел недавно приехал в город, он из Сургута. Вы, наверное, ошибаетесь.

Ольга помолчала, потом пожала плечами.

— Возможно. Проходите, садитесь. Я задам вам несколько вопросов.

Она села обратно за стол и открыла блокнот. Павел опустился на стул у стены, стараясь не смотреть на неё слишком пристально. Но краем глаза он видел её руки — тонкие, с аккуратным маникюром, но с заметным шрамом на правом запястье. Шрам от операции, подумал он. От той операции, которая сращивала её сломанный позвоночник. Он помнил, как старший Павел рассказывал ему об этом — как она носила корсет два года, как училась ходить заново, как на её теле остались следы, которые никогда не исчезнут. И вот она сидит перед ним, живая, работающая, но с этим шрамом, напоминающим о том дне, который он должен был предотвратить.

Интервью началось. Анна задавала вопросы о работе, о проблемах здравоохранения, о нагрузках. Ольга отвечала спокойно, чётко, иногда улыбалась, но в глазах её оставалась та же холодная отстранённость. Павел слушал её голос, и каждое слово отзывалось в нём болью. Она была другой, но он узнавал её манеру говорить, её привычку поправлять очки, когда она задумывалась. Это было мучительно и сладко одновременно.

В какой-то момент Анна спросила:

— Ольга Викторовна, вы упомянули, что работаете здесь уже восемь лет. А до этого вы, где работали?

Ольга помедлила, и в её глазах мелькнула тень.

— До этого я проходила реабилитацию, — сказала она ровно. — У меня была тяжёлая травма спины. Я не работала почти три года. Но потом восстановилась и устроилась сюда.

— Травма? — Анна притворилась, что не знает деталей. — Это связано с несчастным случаем?

Ольга посмотрела на неё долгим взглядом, потом перевела глаза на Павла. И в этом взгляде было что-то такое, отчего у него перехватило дыхание — она смотрела на него, и в её глазах внезапно вспыхнула искра узнавания, смешанная с ужасом.

— Извините, — сказала она, вставая. — Можно вас на минуту? — она обратилась к Павлу. — Я хочу поговорить с вами наедине.

Анна поднялась, делая вид, что отвлекается на телефон.

— Я выйду на минутку, — сказала она. — Позвоню в редакцию. А вы пока побеседуйте.

Она выскользнула за дверь, и Павел остался один с Ольгой. Она стояла за столом, опираясь руками на столешницу, и смотрела на него с выражением, которое он не мог расшифровать.

— Кто вы на самом деле? — спросила она, и голос её дрожал, но не от страха — от злости. — Вы не ассистент. У вас лицо моего брата. Только он старше. Он седой. А вы... вы молодой. Но вы говорите его голосом. Вы смотрите его глазами.

Павел встал, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Он хотел сказать правду, но вспомнил слова Анны: не дави, не ломай. Он заставил себя молчать, но Ольга уже шагнула к нему, вглядываясь в его лицо, и вдруг её рука коснулась его щеки — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого он вздрогнул.

— Это невозможно, — прошептала она. — Ты не можешь быть им. Он старый. Он сбежал. Он меня бросил. А ты... ты здесь, молодой, как в тот день. Как будто ты не старел десять лет.

Он не выдержал. Он взял её за руку, осторожно, боясь спугнуть, и сказал:

— Ольга, я тот самый Павел. Но я не помню этих десяти лет. Я перенёсся из 2016 года сюда. Старший я, который был здесь, — он спас тебя в тот день. Он увёл тебя с плиты. Но потом он исчез, и я оказался здесь. Я не знаю, почему ты не помнишь этого. Но я здесь, чтобы исправить всё.

Она вырвала руку, отшатнулась к стене, прижимая ладони к груди.

— Ты сумасшедший, — сказала она, но в голосе её не было уверенности. — Ты просто сошёл с ума. Или ты его сын. Но у него нет сына...

— Я не его сын, — сказал Павел. — Я — это он. Только молодой. Я помню тот день в 2016-м, когда мы зашли в цех, когда ты хотела найти архив, когда мы обсуждали, где продать чертежи. Я помню, как ты смеялась. Я помню, как

я испугался и убежал, когда ты упала. Но потом я вернулся, Ольга. Старший я вернулся, и он вытащил тебя. Я не могу доказать тебе это, но я знаю, что это правда.

Она смотрела на него, и в её глазах боролись два чувства — страх и неверие, и где-то глубоко внутри, под слоем десятилетней боли, просыпалось что-то тёплое, почти забытое. Она медленно опустилась на стул, закрывая лицо руками.

— Зачем ты пришёл? — спросила она, и голос её был глухим, безжизненным. — Зачем ты вернулся? Чтобы снова причинить мне боль?

— Чтобы попросить прощения, — сказал он, подходя ближе и опускаясь на корточки перед ней. — Я не знаю, как это работает. Но я знаю, что я сделал неправильно. Я должен был остаться с тобой тогда. Я должен был быть смелым. Я не был. Но я хочу это исправить.

Она подняла голову, и он увидел, что её глаза влажные, но слёзы не текли — она сдерживалась изо всех сил.

— Я не могу тебе поверить, — сказала она. — Ты не мой брат. Мой брат был старым, седым, виноватым. Я видела его вчера. Он был здесь, в городе. Он выглядел так, будто нёс на себе всю тяжесть этого мира. А ты... ты чистый. Ты смотришь на меня, и в тебе нет той вины, которую я привыкла видеть. Ты не тот.

Павел замер. Она была права. Его старшая версия носила эту вину десять лет, она отпечаталась на его лице, в его глазах, в каждой морщине. А он, молодой, ещё не успевший

прожить эти годы, смотрел на неё с надеждой, а не с раскаянием. Он не знал, как убедить её, что он — тот же человек.

Он встал и отошёл к окну. За стеклом начинал накрапывать дождь, и серая пелена затягивала горизонт. Он смотрел на улицу и вдруг увидел, как высоко в небе промелькнула зелёная вспышка — геомагнитный шторм снова набирал силу, хотя по прогнозам должен был стихнуть. Его сердце сжалось. Кран. Он снова активизируется.

— Ольга, — сказал он, оборачиваясь. — Я должен тебе кое-что сказать. Тот кран, немецкий, в цехе №8, — он не просто старый металл. Он связан с солнечными бурями. Он переносит людей во времени. Если я снова коснусь его, я могу вернуться в прошлое и изменить всё навсегда. Стереть тот день. Заставить тебя забыть, что я тебя бросил. Но я не знаю, что будет с нами после.

Она подняла на него глаза, и в них промелькнула искра любопытства.

— Ты хочешь стереть мою память? — спросила она. — Сделать так, чтобы я не помнила твоего предательства?

— Я хочу, чтобы ты помнила только хорошее, — сказал он. — Но если я это сделаю, я могу потерять себя. Я уже потерял память о будущем. Я не знаю, кто я в этом времени. У меня нет дома, нет работы, нет ничего. Только ты. И если я уйду в прошлое, я оставлю тебя здесь, в настоящем, с пустотой.

Она молчала, и он видел, как в её голове крутятся шесте-

рѐнки, пытаюсь переварить эту информацию. Внезапно её телефон зазвонил — старый, с громким звонком. Она взглянула на экран, и лицо её изменилось.

— Это завод, — сказала она. — Мой старый знакомый с Уралмаша. Он говорит, что цех №8 снова открыли, и там произошло что-то странное. Охранник видел, как кран двигался сам по себе. Без ветра, без тока.

Павел побледнел. Кран проснулся. И он знал: если он сейчас не поедет туда, он может потерять свой единственный шанс вернуться в нужное время. Но если он уйдѐт, он оставит Ольгу здесь, и она снова подумает, что он сбегает.

Он посмотрел на неё, и в его глазах была мольба.

— Ольга, — сказал он. — Я должен поехать туда. Не потому что я хочу сбежать. А потому что я хочу всё закончить. Навсегда. Я хочу, чтобы ты знала: я не брошу тебя снова. Поехали со мной.

Она отшатнулась, качая головой.

— Нет. Я не пойду туда. Это место проклято. Я не могу.

— Тогда я поеду один, — сказал он, направляясь к двери. — Но я вернусь. Обещаю.

Она вскочила, когда он взялся за ручку двери, и закричала:

— Павел! Стой!

Он обернулся, и она шагнула к нему, сжимая кулаки.

— Если ты сейчас уйдѐшь, я больше никогда не поверю тебе. Никогда. Ты понял?

Он замер. В груди разрывалось сердце. Он видел её испуганные глаза, её дрожащие руки, и понимал, что если он уйдёт, она навсегда останется с той же раной, которую носит десять лет. Но если он останется, кран может погаснуть, и он никогда не сможет изменить прошлое.

— Ты не понимаешь, — сказал он, и голос его дрогнул. — Если я не пойду сейчас, я никогда не смогу исправить то, что сделал. Ты будешь помнить меня как предателя, и это ломает меня. Я не могу жить с этим.

Ольга смотрела на него несколько секунд, потом медленно подошла к нему и взяла его за руку — ту самую, с обожжённой ладонью, которая ещё не зажила до конца.

— Я пойду с тобой, — сказала она, и голос её был твёрдым, как сталь. — Но если это очередная ложь, если ты снова исчезнешь — я найду тебя, где бы ты ни был. И я заставлю тебя пожалеть.

Павел сжал её руку, чувствуя, как внутри него разливается тепло. Он не знал, правильно ли он поступает, но он знал, что должен попытаться.

Они вышли из кабинета, где ждала Анна с выпученными глазами.

— Вы куда? — спросила она.

— На завод, — сказал Павел. — Кран проснулся. И мы должны успеть до того, как он снова исчезнет.

Анна собрала вещи и пошла за ними, и втроём они выбежали на улицу под холодный дождь, который вдруг превра-

тился в ливень. Зелёное сияние над городом разрасталось, пульсируя, как живое сердце.

Когда они подъехали к цеху №8, охранник уже стоял у ворот, бледный и трясущийся.

— Вы не поверите, — сказал он, показывая рукой. — Кран сам включился. Стрела повернулась, лебедка загудела, а внутри кабины горел свет. Но там никого нет.

Павел взглянул на Ольгу, взял её за руку и потянул за собой.

— Пойдём.

Она дрожала, но не сопротивлялась. Они вошли в цех, и свет, проникающий через разбитые окна, смешивался с зелёным свечением снаружи. Кран стоял в центре, и его стрела медленно поворачивалась, как будто искала кого-то. Красная лампочка на балке горела ярко, пульсируя в такт ударам его сердца.

— Он зовёт меня, — прошептал Павел, подходя к лебедке. — Я должен коснуться его.

Ольга сжала его руку сильнее.

— А если ты не вернёшься? — спросила она.

— Тогда я всегда буду с тобой, — ответил он, и в его голосе была такая уверенность, что она отпустила его руку.

Он шагнул к лебедке, протянул руку к проводу, и в тот момент, когда его пальцы коснулись металла, по цеху прокатилась ослепительная вспышка белого света.

— Павел! — закричала Ольга, и её голос потонул в гуле.

Он не знал, куда он переносится — в прошлое или в будущее. Но он знал, что держит её руку, и что она не отпускает его.

Когда свет погас, они стояли на краю той самой плиты в коридоре 2016 года, и над ними нависала трещина, готовая обрушиться.

Ольга смотрела на неё с ужасом, и Павел, сжимая её руку, сказал:

— В этот раз я не сбегу. В этот раз мы выберемся вместе. Плита дрогнула под их ногами.

Глава 6. Синдром бабочки

Плита дрогнула под их ногами с такой силой, что Павел почувствовал, как вибрация прошла сквозь подошвы ботинок, вверх по ногам, до самого позвоночника. Где-то в глубине бетонной конструкции раздался протяжный, низкий хруст — словно старый великан разминал кости после долгого сна. Ольга вскрикнула, вцепилась в его руку с такой силой, что ногти впились в кожу через куртку, и Павел увидел в её расширенных зрачках тот самый ужас, который он помнил по своим кошмарам. Только теперь это был не сон. Это было по-настоящему. И она была здесь, рядом с ним, дрожащая, испуганная, но живая.

— Бежим! — крикнул он, и голос его прозвучал хрипло, срываясь на фальцет. — Налево! Туда, где стена!

Он рванул её за руку, и они одновременно прыгнули в сторону, в узкий проход, который Павел заметил только в последнюю секунду. Раньше здесь была сплошная стена, но теперь, после вмешательства старшего Павла, реальность изменилась, и проход открылся, как дверь в чужой мир. Они влетели в него за мгновение до того, как плита с глухим, сокрушительным грохотом обрушилась вниз, в чёрную бездну шахты лифта, увлекая за собой обломки бетона и облако серой пыли. Воздух наполнился едким запахом щебня и ржавой воды, и Павел прикрыл лицо, рукавом куртки, продол-

жая тащить Ольгу вперёд.

Она спотыкалась, почти падала, но он держал её крепко, не давая остановиться. За их спинами рушился коридор — бетонные панели с грохотом уходили вниз, открывая всё новые провалы. Павел слышал, как шахта лифта, та самая, куда должна была упасть Ольга, расширялась, поглощая этажи старого здания. Он не знал, что это — побочный эффект его вмешательства или реальность, которая перестраивалась, чтобы принять их обоих. Но он знал одно: если они замедлятся, их поглотит та же тьма, из которой он пытался вырвать сестру.

— Сюда! — крикнул он, сворачивая в узкий технический тоннель, который вёл к старой котельной. Он помнил этот путь из своего детства, когда они с Ольгой играли в прятки среди заброшенных труб. Тоннель был низким, приходилось пригибаться, и пыль лезла в нос, в рот, заставляя кашлять. Ольга дышала тяжело, её ладонь была мокрой от пота, но она не отпускала его ни на секунду.

— Павел, — прошептала она, когда гул обвала затих за их спинами. — Павел, остановись. Я больше не могу.

Он замер, обернулся. Они стояли в маленькой нише, где когда-то располагался распределительный щиток. Свет почти не проникал сюда, только слабый отблеск откуда-то сверху, от разбитого окна в соседнем помещении. Павел прижал её к стене и заглянул в глаза.

— Ты в порядке? Тебя не задело? — спросил он, ошупы-

вая её руки, плечи, проверяя, нет ли крови.

Ольга смотрела на него с выражением, которого он никогда раньше не видел. В её глазах был страх, но не только он — там была ещё растерянность, смешанная с внезапным, почти детским изумлением. Она провела рукой по его щеке, и её пальцы дрожали.

— Я помню, — сказала она, и голос её срывался, как у ребёнка, который только что пережил кошмар. — Я помню, как я упала. Я помню, как бетон сомкнулся надо мной, как боль пронзила спину. Я помню, как ты убежал. Но я помню и другое. Я помню, как ты схватил меня за руку и потащил прочь. Я помню, как ты кричал: «Не ходи туда!» Я помню твои глаза — старые, седые, полные боли. Я видела тебя обоих, Павел. Я видела, как ты спас меня.

Павел замер. Его сердце колотилось так громко, что он слышал его в ушах. Он не знал, что это значит — она помнила оба варианта? Она помнила и падение, и спасение? Это было и благословением, и проклятием.

— Ольга, — сказал он, сжимая её плечи. — Слушай меня. Ты сейчас в 2016 году. Но ты уже прожила десять лет в будущем. Ты помнишь свою жизнь там? Поликлинику, работу, ту квартиру?

Она кивнула, но взгляд её оставался рассеянным.

— Да. Я помню, как вставала на ноги после операции, как ненавидела тебя. Я помню, как я кричала, когда ты звонил, и я не брала трубку. А теперь... теперь я вижу тебя молодым,

и я чувствую, что ты спас меня. Это разрывает мне голову. Я не могу совместить это.

Павел притянул её к себе, обнимая так крепко, как будто боялся, что она исчезнет, превратится в дым. Она уткнулась лицом в его плечо, и он чувствовал, как её тело сотрясается от слёз, беззвучных и отчаянных.

— Мы разберёмся, — прошептал он. — Мы найдём способ всё исправить. Но сейчас нам нужно выбираться отсюда. Мы должны добраться до крана.

Она подняла голову, вытерла слёзы тыльной стороной ладони и кивнула.

— Кран. Он снова здесь?

— Он всегда здесь, — ответил Павел. — Он ждёт нас.

Они двинулись дальше по тоннелю, петляя среди старых труб и кабелей. Свет становился ярче, и вскоре они вышли в просторный подвал, где когда-то хранились запасные детали. В углу стоял ржавый погрузчик, покрытый слоем пыли, и несколько ящиков, распахнутых и пустых. Павел провёл Ольгу к лестнице, ведущей наверх, и, когда они поднялись на первый этаж, он увидел тот самый цех №8, но не такой, каким он был в 2016-м, и не такой, каким он был в 2026-м. Это было нечто среднее — стены были целыми, но на них уже проступала ржавчина; окна были застеклены, но стекла покрывала сетка трещин. Время здесь застыло в момент перелома.

Кран стоял в центре, и его стрела была опущена, как в

знак приветствия. Красная лампочка на балке горела ровно, без мигания, как будто он ждал их возвращения.

— Он выглядит по-другому, — прошептала Ольга, подходя ближе. — Он моложе, чем в 2026-м, но старше, чем в тот день. Что с ним происходит?

— Он меняется вместе с нами, — сказал Павел. — Он связан с нами. Чем больше мы вмешиваемся, тем больше он трансформируется.

Он подвёл её к лебедке. Провод, который он касался в прошлый раз, висел на месте, но теперь он был не один — от крана отходило несколько оголённых жил, словно металлические щупальца. Павел взглянул на свои руки — на правой ладони всё ещё горел красный след от ожога, но он стал тусклее, почти незаметным.

— Мы должны коснуться его вместе, — сказал он. — Когда я касался один, меня перекидывало туда-сюда. Но когда мы коснёмся вместе, мы сможем перенестись обратно в 2026. Вместе.

Ольга смотрела на провод с ужасом, но в её глазах не было колебания. Она шагнула вперёд, протянула руку и накрыла его ладонь своей. Её пальцы были холодными, но уверенными.

— Делай, — сказала она.

Павел сжал её руку, и они вместе коснулись оголённого провода. Мир вокруг вспыхнул белым, но на этот раз вспышка не была ослепительной — она была мягкой, тёплой, как

утренний свет. Павел почувствовал, как его тело поднимается, отрывается от земли, и он увидел, как Ольга парит рядом с ним, её волосы развеваются в невидимом ветре. Вокруг них кружились обломки времени — фрагменты 2016 года и 2026 года, смешиваясь, переплетаясь, как нити на старом ткацком станке.

Он увидел старшего Павла. Тот стоял в центре этого вихря, седой, с уставшим лицом, но его глаза светились спокойствием. Он смотрел на молодого Павла и Ольгу и улыбался.

— Вы сделали это, — сказал старший Павел, и голос его звучал эхом, как будто доносился из глубокого колодца. — Вы выбрались. Теперь вы вернётесь туда, где должны быть. Но помните: реальность не прощает пустоты. Вы забрали меня из времени, и теперь я должен занять своё место здесь.

Молодой Павел хотел крикнуть: «Что ты имеешь в виду?» — но старший Павел уже начал исчезать, растворяться в свете, как утренний туман. Он махнул рукой на прощание, и в его глазах была благодарность.

— Живите, — сказал он. — Не повторяйте моих ошибок. И свет поглотил всё.

Павел пришёл в себя на бетонном полу цеха №8. Вокруг пахло пылью и машинным маслом, и тишина стояла такая, что было слышно, как где-то вдалеке капает вода. Он открыл глаза и увидел над собой потолок, изрезанный трещинами, знакомый и родной. Это был 2026 год. Он узнал этот потолок, этот запах, этот холод.

Он сел, и его голова закружилась. Рядом с ним, приходя в себя, уже садилась Ольга. Она была в белом халате, который надела в поликлинике, и её волосы растрепались, выбившись из пучка. Она смотрела на свои руки, на стены, на него, и в глазах её было непонимание, смешанное с проблеском осознания.

— Где мы? — спросила она хрипло.

— В 2026-м, — ответил Павел, поднимаясь и подавая ей руку. — Мы вернулись.

Она взяла его руку, встала, и он заметил, что её движения стали увереннее, почти лёгкими. Она больше не горбилась, не придерживала спину, как делала это все десять лет, потому что операция оставила боль, которая не проходила. Теперь она стояла прямо, как молодая девушка.

— Я не чувствую боли, — сказала она, удивлённо поворачиваясь. — Павел, я не чувствую боли в спине. Это никогда... я никогда не чувствовала себя так легко.

Он смотрел на неё, и сердце его сжималось от радости и тревоги одновременно. Он изменил прошлое не только морально — он физически изменил её травму. Если она не чувствовала боли, значит, в этой новой реальности она никогда не падала в шахту. Её позвоночник был цел.

— Ты никогда не падала, — сказал он, и голос его дрогнул. — В этой версии, мы не ходили в цех. Или мы ходили, но ты не пострадала. Я не знаю, как это работает, но я знаю, что ты здорова.

Ольга подошла к нему, остановилась в шаге, и посмотрела ему в глаза. Её взгляд был тёплым, без той ледяной стены, которая отделяла их десять лет.

— Я помню, — сказала она. — Я помню, как мы стояли на краю. Я помню, как ты держал меня за руку. И я помню, как мы бежали. Но я не помню падения. Я помню только, что ты спас меня.

Павел протянул руку и осторожно коснулся её щеки. Она не отшатнулась. Она прикрыла глаза и прижалась к его ладони, как делала это в детстве, когда он гладил её по голове, когда она падала с велосипеда или когда ей снились страшные сны.

— Я вернулся, — сказал он. — Я не сбежал.

— Я знаю, — ответила она.

Они стояли так несколько мгновений, чувствуя, как что-то сломанное медленно срастается внутри них. И в этот момент в цехе раздался звук — шаги, быстрые, приближающиеся. Из тени выбежала Анна, запыхавшаяся, в том же красном пуховике, с диктофоном в руке.

— Павел! — крикнула она. — Ольга! Вы здесь! Боже, я искала вас везде! Вы пропали на три дня! Что случилось?

Павел обернулся. Три дня? Он и Ольга переглянулись.

— Три дня? — переспросил Павел. — Нас не было три дня?

Анна подбежала к ним, оглядывая их с головы до ног.

— Вы исчезли из поликлиники вчера утром. Нет, поза-

вчера. Сегодня уже четвертое октября. Вы были в цехе всё это время? Вы в порядке?

Павел покачал головой, пытаясь осознать. Он помнил, как они коснулись провода и перенеслись в 2016-й, но там они провели не больше часа. Однако здесь прошло трое суток. Время снова вело себя непредсказуемо.

— Мы вернулись только что, — сказал он. — Мы были в прошлом. Но здесь прошло три дня.

Анна побледнела, но, видимо, уже привыкла к необъяснимым вещам.

— Хорошо. Ладно. Это не важно. Важно другое — я видела новости. За эти дни произошли странные вещи. Геомагнитный шторм не прекращается, он усилился. В городе сбой электричества, люди теряют память, некоторые видят галлюцинации. И знаете что? Кран — его хотят снести. Завтра приедет комиссия.

Павел почувствовал, как холод пробегает по спине. Если кран снесут, он больше никогда не сможет вернуться в прошлое. Но сейчас это не имело значения — он уже вернул Ольгу. Или всё ещё нет?

Он повернулся к сестре. Она стояла, бледная, но спокойная, и смотрела на кран.

— Павел, — сказала она. — Что будет с краном, если его разрушат? Он исчезнет. Вместе с ним исчезнут все изменения, которые мы сделали. Мы можем снова оказаться в том мире, где я сломала спину, а ты убежал.

Он знал, что она права. Если кран разрушить, временная линия могла схлопнуться, и все их усилия пошли бы прахом.

— Мы не позволим этому случиться, — сказал он, сжимая кулаки. — Мы сохраним кран. Что бы это ни стоило.

Но в этот момент кран вздрогнул. Стрела медленно поднялась, лебедка загудела, и по металлу пробежала электрическая дуга. Красная лампочка на балке зажглась, пульсируя ярче, чем когда-либо. И Павел услышал голос — тот самый, с немецким акцентом, который звучал в его наушниках:

— *Ihr habt die Linie gebrochen. Jetzt müsst ihr sie wiederherstellen, sonst wird alles verschwinden.* — Ихър хабт ди линиэ гебрóхэн. Йетцт мю́ссст ихър зи вíдергерштеллен, зонст вирдт аллес фэршíнден.

— Вы сломали линию. Теперь вы должны восстановить её, иначе всё исчезнет.

Павел замер. Он понял, что их вмешательство создало разлом во времени. Они не просто изменили одну судьбу — они нарушили ткань реальности. И теперь всё, что они любили, могло исчезнуть, если они не найдут способ починить линию.

Ольга прижалась к нему, и он чувствовал, как она дрожит. — Что нам делать? — прошептала она.

Павел посмотрел на кран, на красную лампочку, на свои руки, которые всё ещё были молодыми, и понял, что его путь не окончен. Он должен был вернуться в прошлое ещё раз, но уже не ради спасения Ольги. Ради спасения всего времени.

— Мы пойдём к нему, — сказал он. — Но не для того, чтобы изменить прошлое. Мы пойдём, чтобы закрыть разлом. Чтобы стереть самую возможность таких путешествий. Навсегда.

Ольга посмотрела ему в глаза, и в её взгляде была решимость.

— Я пойду с тобой. Мы сделаем это вместе.

Анна шагнула вперёд, сжимая диктофон.

— Я с вами. Я зафиксирую это. Чтобы мир знал правду.

Павел кивнул, и они втроём двинулись к крану, который ждал их, пульсируя красным светом, как огромное сердце, готовое к последнему удару.

Когда они подошли вплотную, кран издал протяжный, низкий гул, и лебедка размотала трос, который упал к их ногам. На конце троса висел старый крюк, ржавый, но целый. И на нём, привязанный кольцом, висел металлический ключ — старый, с зубцами, похожий на тот, что открывал двери кабины.

Павел взял ключ, и в тот же момент красная лампочка погасла. Цех погрузился в темноту. Только через разбитые окна пробивался зелёный свет полярного сияния, заливающий пол призрачным сиянием.

— Это ключ от всего, — сказал он, сжимая его в ладони. — Я чувствую. Он нужен, чтобы закрыть разлом.

Внезапно пол под ними снова дрогнул, и в центре цеха образовался провал — ровно там, где стояла та самая плита,

которая когда-то упала в шахту. Из чёрной глубины повеяло холодом, и Павел услышал шепот — множество голосов, старых, как сам завод.

— Мы идём, — сказал он, глядя на Ольгу и Анну. — Держитесь за меня.

Они взялись за руки — Павел в центре, Ольга слева, Анна справа. Он шагнул в провал, и тьма поглотила их.

Когда они открыли глаза, они стояли на вершине старого крана, над цехом №8, смотря на город, который простирался под ними, но это был не Екатеринбург 2026 года. Это был Екатеринбург 1943 года — с дымами заводских труб, силуэтами военных грузовиков, с небом, пересечённым следами самолётов.

И внизу, у основания крана, стоял тот самый немецкий оператор, который оставил дневник. Он смотрел на них снизу вверх и улыбался.

— *Ihr seid gekommen, um den Kreis zu schließen,* — сказал он. (Ир зайт гекомэн, ум дэн крайц цу шлиссен.)— Вы пришли замкнуть круг.

Павел сжал ключ в руке и понял, что они оказались в самом начале истории. Там, где всё началось. Где кран был построен. Где была создана линия, которую они должны были стереть.

Глава 7. Шахта лифта

Они стояли на вершине крана, и ветер 1943 года хлестал их по лицам, холодный, колючий, пропитанный запахом гари и мазута. Павел сжимал в руке металлический ключ, чувствуя, как холодный металл впивается в ладонь, оставляя на коже красный след, как в тот раз, когда он касался провода. Но теперь это было иначе — холод был не обжигающим, а ледяным, проникающим под кожу, в кости, будто ключ был выкован из самого времени.

Ольга стояла рядом, её рука дрожала в его ладони, но она не отпускала. Анна прижималась к ним с другой стороны, её глаза были широко раскрыты, и она судорожно сжимала диктофон, который уже давно не работал в этом времени. Они были втроем на узкой площадке кабины крана, и внизу, в тусклом свете заводских прожекторов, стоял человек в форме вермахта — невысокий, худощавый, с седеющими висками и спокойными, усталыми глазами. Он поднял руку в приветственном жесте, и Павел заметил, что его пальцы дрожат, как у старого больного человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.